

БЫЛИНЫ

ДЕТГИЗ

25/12

15/12 - 445.

16/12 - 406.

15/12 68

64 64 69

53
читальня

Б-95

46

97

1947
8

1945 95

482

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

1944

II

Б Ы Л И Н Ы

Вступительная статья,
редакция и примечания

М. БУЛАТОВА

498
Демочаг 5-м

Государственное Издательство Детской Литературы
НКИ РСФСР
Москва 1943 Ленинград

Обложка, заставка, концовка и буквицы
Г. ФИШЕРА

БЫЛИНЫ

I

В народном устном творчестве (фольклоре) большое место занимают песни о подвигах героев-богатырей. Такие песни есть у всех народов. У русского народа они называются былинами, а сами крестьяне-сказители зовут их «старинами», «старинками».

Уже самое это название говорит, что былины возникли давно — встарину. И действительно, они начали складываться много веков назад. Но когда именно сложилась та или другая былина, сказать невозможно: события одних эпох в былинах причудливо переплетаются с событиями других эпох, более ранних или более поздних. Так, в одной из былин князь Владимир, который жил в X веке, идет в «кружало государство» (кабак), да вдобавок еще в «калошках». А «кружала» появились на Руси только в XVII веке; еще позднее появились калоши.

Историческая основа в былинах, кроме того, соединилась со сказочной фантастикой. Герои былины сражаются с сверхъестественными существами, опускаются на морское дно, превращаются в разных зверей; с ними разговаривают человеческим языком птицы, змеи, кони и даже реки. Поэтому в былинах не следует искать определенных, конкретных исторических фактов. Былина не летопись, а художественное, поэтическое произведение.

Былины в особой форме, особыми приемами изображают героическое прошлое русского народа. Образы былинных героев имеют широкий, обобщающий смысл. В них отразился характер создавшего их народа, его мудрость, его отношение к жизни, его военный, боевой опыт, его суровая и нежная любовь к родине и ненависть к иноземным насильникам, пытавшимся захватить и поработить русскую землю.

В этом огромное значение былин.

II

По своему содержанию былины распадаются на две группы. Одни воспевают богатырей-воинов, битвы, схватки с разными чудовищами. Другие рассказывают о невоенных героях, о разных приключениях небоевого характера, о мирном труде.

Былины боевого, героического содержания повествуют о дружбе богатырей-воинов, об их битвах с разными иноземными хищниками, нападавшими на Русь. С большим художественным умением и любовью народ изобразил в былинах образы славных богатырей, защитников русской земли. Эти богатыри-воины — «старый казак» Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и другие — носители боевой доблести, мужества и сноровки создавшего их народа.

Былины об Илье Муромце особенно любимы и распространены в народе. Их знают все крестьяне-сказители. Былины рассказывают об этом богатыре с большим уважением и любовью. Крестьянский сын Илья «сиднем сидел» тридцать лет на печи; калики (странники) ищелают его и благословляют на подвиги. Эти подвиги Ильи Муромца очень разнообразны: он бьется с подступившим к Киеву царем Калином и разбивает его; побеждает поганое Идолище, уничтожает Соловья-разбойника. Среди русских богатырей Илья самый старший и самый уважаемый; его слушают все другие богатыри, его боится даже сам князь Владимир; противники его уважают и стараются вступить с ним в дружбу. Захваченного хитростью в плен Илью приводят к царю Калину, и Калин обращается к Илье с такими словами:

«Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да садись-ко ты со мной да за единый стол.
Ешь-ко ествушку мою сахарною,
Да и пей-ко мой питьеца медвяныи,
И одежь-ко ты мою одежу драгоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью,
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину».

Илья с негодованием отвечает Калину, что не будет служить ему:

«Еще буду служить я за веру, за отечество,
А й буду стоять за стольный Киев-град...»

В трудные для родины дни Илья призывает всех могучих богатырей:

«Вы постойте-тко за веру, за отечество,
Вы постойте-тко за славный стольный Киев-град!»

Сам он без раздумий идет на врагов:

За вдов, за сирот, за бедных людей
И за всю землю святорусскую.

Этого защитника родины былины наделяют непобедимостью. «В чистом поле ему смерть не написана», говорят былины. Образ Илья — один из самых ярких и светлых героических образов. Это образ верного и крепкого защитника свободы и чести отечества.

Храбростью, силой и честностью отличается и другой богатырь русских былин — Добрыня Никитич. Добрыня не только смелый воин — он образован, умен и красноречив. Мать говорит Добрыне:

«А ведь ты, Добрынюшка, в послах бывал,
Ты, Добрынюшка, говорить горазд,
А ты говорить горазд, разговаривать...»

Добрыне дорого достоинство русского витязя. Он никогда не нарушит своего слова. Упрекающей его в нарушении «заповеди великой» змее Добрыня отвечает:

«Ай же ты, змея проклятая!
Я ли нуно¹ нарушил свою заповедь,
Али ты, змея проклятая, порушила?
Ты зачем летела через Киев-град,
Унесла у нас Забаву дочь Потятичну?»

В жестокой и страшной битве Добрыня убивает коварную змею и освобождает из змеиных пещер «полоны русские» (пленников).

Так же ярок образ и третьего богатыря былины — Алеши Поповича. В былинах Алеша называется «смелым», «увертливым», «вострым собою». Вместе с другими богатырями «молодой Алешенька Попович» стоит на заставе богатырской, не пропуская ни конного, ни пешего; благодаря своей ловкости и сметке он побеждает страшного Тугарина Змеевича. Другие богатыри русских былин — Сухман, Василий Игнатьев — такие же ловкие, бесстрашные воины, защитники родной земли. Но за свое грозное богатырское оружие они берутся только тогда, когда враг угрожает их родине. Сами они никогда не идут «полонить» и грабить чужие земли.

III

Богатырские былины складывались в дни, когда Русь вела беспрерывные и ожесточенные схватки со степными кочевниками. Поэтому битвы изображены в былинах так подробно. По словам былин азиатские хищники шли на Русь разорять и грабить ее. Батыга

Хочет Киев-город да головней катить,
А й добрых коней да табунами брать,
Красных девушек во полон взымать,
А старых людей да на огни сжигать.

Борьба за свободу и честь отечества порождала образы героев-богатырей. Песни о непобедимых богатырях вдохновляли и звали на дальнейшую борьбу. Все, что относилось к этой борьбе, было интересно и важно для народа. В былинах любовно воспеты подвиги богатырей, их боевое умение, ловкость, бесстрашие, их верный помощник и товарищ в бою — богатырский конь.

Выезжая на битву, богатырь серьезно и старательно готовится к ней, он внимательно осматривает и проверяет свое оружие.

Надевал Алешенька латы кольчужные,
Застегивал пуговики жемчужные
И нагрудничек булатый
И брал свою сбрую богатырскую:
Во-первых, копье долгомерное,
Во-вторых, саблю вострую,
В-третьих, палицу боевую,
В налучничек тугой лук
Да двенадцать стрелочек каленных;
Не забыл чинжалище, свой острый нож.
Только видели удаля, как в стремя вступил,
А не видели поездки богатырския...

¹ Теперь, нынче.

Выборы коня описываются в былинах также с большими подробностями, как важное и ответственное дело.

Выбирал коня себе да доброго,
Коня доброго да не езжалого,
Выбирал он бурушку косматого.
Да шерсть у бурушки по три пяди,
А грива у бурушки до трех локот,
А хвост у бурушки до трех сажон,
А хвост и грива до сырой земли,
Хвостом следы да он запахиват...

Хорошо вооруженные, на добрых конях выезжают богатыри на заставу для охраны границ своей земли. Они смелы и зорки:

Да от той-то от заставушки семь богатырей,
Да ни конному, ни пешему проходу нет,
Да ни ясному-то соколу пролету нет.

Но вот нападает на Русь свирепый и многочисленный враг. Былины никогда не преуменьшают силы врагов русской земли, противников богатырей. Наоборот: былины наделяют их грозной силой, коварством и ловкостью. Нашествие врагов на Русь изображено во всем его ужасе:

Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от-пару было от кониного
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видать луча света белого;
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.

Предводители этих нашествий — Идолище поганое, Батыга и другие темные силы — злобны и сильны. Они опасные и страшные противники. С ними может сражаться и победить их только бесстрашный и мужественный витязь. Желая напугать Илью Муромца, Идолище хвастается своей прожорливостью: он пьет пива сразу полтора ведра, съедает в один присест семь пудов хлеба и целого быка. Страшен противник и Алеши Поповича — коварный Тугарин:

В вышину ли он, Тугарин, трех сажень,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним, как лютой зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом валит.

Конца и краю нет вражеским войскам, идущим на Русь:

В три часа серу волку не обскакати,
В три часа ясну соколу не облетати...

Но ни многочисленность, ни хитрость, ни сила врага не могут запугать русского богатыря. Без страха и раздумья вступает он в

битву. Былины подробно рассказывают об этих упорных и грозных схватках:

Не два ясные сокола слетаются —
Два дородных молодца съезжаются.
Да ударили богатыри саблями вострыми;
У их сабельки-то да пощербались,
Сами друг-то ведь друга они не ранили.
Да ударились тут палицями тяжелыми;
У их палицы-ти да поломались,
Сами друг-то ведь друга они не ранили.
А ударились тогда да копытами вострыми,
У их копыта по яблучкам сломались,
Сами друг друга они-то ведь не ранили,
Они не дали ведь раны к ретиву сердцу.
Да скакали через гривы-ти лошадиные,
Да большим-то боем рукопашкою.
Да водились богатыри трое суток;
Они ноги втоптали да по колен в землю...

Герои былины никогда не отступают перед врагом, как бы он ни был силен. Они бесстрашно сражаются с ним и в конце концов побеждают его. И победа, доставшаяся нелегко, представляется вдвойне доблестной. Преувеличение, а не преуменьшение силы врага в былинах — умный и оправданный прием. Это подчеркивает смелость, отвагу и мужество русского богатыря, делает его в глазах слушателей старинны достойным особого уважения. Победный конец битвы описывается всегда в радостных, торжествующих тонах.

Никогда не удается врагу победить русского богатыря и завладеть русской землей; разбитый, он бежит с позором назад.

Достальные татары на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагери...

Разбитый наголову Батый

Поскорёшенько на коней собирается,
И сам он, неверный, заклиняется:
«Не дай мне-ка бог на Руси бывать,
И не детям моим и не внучатам.
Оставайтесь во Киеве по-прежнему...»

Таковы героические, богатырские былины русского народа.

IV

Другую, не менее любопытную группу русских былины составляют былины о ловких и смелых молодцах, о героях мирного труда, о заезжих молодцах и мудрых женщинах. Если богатырские боевые былины рассказывают о стольном городе Киеве, о схватках со степными кочевниками, о широких степных просторах, то эти былины рисуют жизнь другого русского города — «Господина Великого Новгорода», новгородских гостей — купцов, путешественников в чужие края, суровую северную природу.

Одна из самых знаменитых былин этой группы, былина о Вольге и Микуле, с большой художественной силой воспевает и прославляет

тяжелый и благородный труд хлебопашца. Волшебник-богатырь Вольга во время своей поездки с дружиной встречается с чудесным ора-
тзем (пахарем). Оратай орет (распахивает) тяжелую целину:

Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздки он пометывает,
А пенье-коренья вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит.

Как в воинских былинах подробно и любовно описывается оружие богатыря, так в этой былинке описывается орудие труда пахаря-богатыря— «кленовая сошка».

Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатнии,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

Микула полон силы и достоинства. Он любит свой тяжелый крестьянский труд. Силы этого богатыря-пахаря безграничны. Вступивший было с ним в состязание хитроумный Вольга вынужден отступить: вся его дружина не в силах выдернуть из земли сошку Микулы. Сам Микула выдергивает ее одной рукой и на вопрос Вольги: «Как его именем зовут», с гордостью отвечает:

«Ай же ты Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливать:
— Молодой Микула Селянинович!»

В образе Микулы воплотилась великая мощь трудового русского народа, его любовь к труду, его несокрушимая сила и светлое, радостное отношение к жизни.

Выдающимися художественными достоинствами обладают былины о Садко — богатом госте и Василии Буслаеве.

И в той и в другой былинах отразилась бурная и своеобразная жизнь крупнейшего торгового города древней Руси — Новгорода, с его оживленной торговлей, поездками новгородских удальцов в неизведанные края, с кровавыми сословными междоусобицами.

Былина о Садко сообщает много любопытных подробностей из быта богатых гостей — купцов новгородских. Хотя Садко и называется «богатым гостем», но прежде всего это замечательно искусный гусляр. Благодаря своему таланту гусляра Садко и добывает несметные богатства. Услышав чудесную игру Садко, морской царь выходит из Ильмень-озера и обращается к нему с такими словами:

«Ай же ты Садко новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехы за великие,
За твою-то игру нежную...»

И морской царь помогает бедному гусяру стать «богатым хостем». Интересны и былины о Василии Буслаеве — неукротимом удалце новгородском. А. М. Горький восхищался этим необычным образом русского «озорника», не верующим «ни в сон, ни в чох, а только в свой червленый вяз». Образ Буслаева очень сложен: это великий жизнелюбец, бунтарь, человек смелой и оригинальной души. Поссорившись с новгородцами, Буслаев вступает с ними в драку; под старость он едет на богомолье — «душу спасать». Но «покаяться» Буслаеву так и не удалось. На обратном пути в Новгород Василий раззадорился надписью на камне, предупреждающей, что тот, кто будет «поскакивать вдоль каменя», сломает буйну голову.

Василий тому не верует;
Стал со дружиною тешиться и забавляться,
Поперек камню поскакивать;
Захотелось Василию вдоль скакать,
Разбежался, вскочил вдоль по камню,
И не доскочил только четверти,
И тут убился под каменем...

Буслаев умирает таким же бунтарем, каким был всю жизнь.

Чем бы ни занимались богатыри русских былин — битвами, работой, игрой, они всегда беззаветно преданы своему делу, искусны в нем. Это отличительная черта и создавшего эти поэтические образы трудового русского народа.

V

Сказать точно, когда сложены те или иные былины, мы не можем. Не знаем мы и создателей былин — древних поэтов. Созданные этими поэтами былины не записывались. Их запоминали наизусть и исполняли бродячие актеры-певцы древней Руси — скоморохи. От скоморохов переняли былины и те крестьяне-сказители, которые сохранили их и донесли до наших дней. Былины переходили из уст в уста, от поколения к поколению. Над каждой из старин-былин поработало много поколений народных певцов. Таким образом, былины являются плодом коллективного творческого труда.

Этим объясняются и многие своеобразные особенности былин — и в способе обрисовки героев, и в композиции (построении), и в языке.

Построены былины по довольно простому и четкому плану. Как правило, каждая былина начинается особым вступлением — запевкой. Вот наиболее характерные образцы запева:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубина, глубина океян-море,
Широко раздолье по всей-земле,
Глубоки омуты днепровские.

Или:

Реки-то озера к Нову-городу,
Мхи-то болота к Белоозеры,
Широки раздолья ко Опскому,
Темные леса ко Смоленскому,
Чисты поля к Ерусалиму.
Матушка Казань под Астрахань:
Устьем выпадала во Черно море,
Во тое ли во морюшко во Черное.

С содержанием былин запев не связан и служит для того, чтобы

создать определенное настроение у слушателя, подготовить его к слушанию старины.

После запева идет «зачин»:

У ласкова у князя у Владимира
Было пированье — почестей пир
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей
И на всю поляницу удалую.

Обычно на пиру богатыря либо «хвастают», либо получают от князя Владимира какое-нибудь поручение, и начинается само повествование — рассказ о подвигах и приключениях героев.

Заканчивается былина особой концовкой — «исходом». Концовки эти весьма разнообразны. Вот наиболее типичные из них:

То старина, то и деянье.

Или:

Синему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послушанье.

Бывают концовки и очень развернутые:

То старина, то и деянье,
Как бы синему морю на утешенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам, веселым молодцам, на потешенье,
Сидючи в беседе смиренныя,
Испиваючи меды, зелено вино.
Где-ко пиво пьем, тут и честь поздаем
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

Действие в былинах развивается медленно. Подробно описываются внешность и действия героев и окружающие их предметы.

Легко подметить в былинах «общие места», например: описание пира у князя Владимира, сборы богатыря в чисто поле, седлание коня, битвы. Вот для образца описание выезда богатыря, взятое наудачу из двух былин, записанных от разных певцов.

Только видели молодца сядучись,
А не видели, куда поедучись.
Только куревко в поле воскурилось,
Туман в поле затуманился.

(Былина об Илье Муромце.)

Только видели удала, как в стремя вступил,
А не видели поездки богатырския.
Только видели — в чистом поле курево стоит,
Курево стоит, да дым столбом валит.

(Былина об Алеше Поповиче.)

Эти «общие места» встречаются в многочисленных вариантах разных былин, повторяются иногда по нескольку раз в одной и той же

былине. «Общие места» — не случайности: они выработаны сказителями и помогают им лучше запомнить и передать слушателям длинную (иногда в несколько сот строк) былинну.

Необходимо отметить и так называемые повторения. Повторяются в былинах целые эпизоды, часто довольно обширные; например, царь Калин говорит своему посланцу, что передать князю Владимиру. Посланец, прибыв в Киев, дословно повторяет приказ Калина.

Поэтические сравнения и уподобления в былинах также очень часты:

Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алеша Попович стал как светел месяц.

Или еще:

Не сырой дуб к земле клонится,
Не бумажные листочки расстилаются, —
Расстиляется сын перед батюшкой,
Просит он себе благословеньица.

Охотно пользуются былинны гиперболизмом (преувеличением). Преувеличивается до баснословных размеров аннегит героев, их сила, тяжесть их оружия, бег их коней; от посвиста Соловья разбойники

То все травушки-муравы уплетаются,
А лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы лежат.

Конь Ильи Муромца скачет «чуть повыше леса стоячего, чуть пониже облака ходячего»; богатырь одним духом выпивает чару вина в полтора ведра, сражается налицей «в девяносто луд», вырывает одной рукой «матерой дуб». При помощи этого приема создается мощь, величественность образа героя-богатыря.

В каждой былинне в изобилии встречаются постоянные эпитеты. У всякого героя, места и предмета есть свой постоянный эпитет. Во всех былинах Илья именуется «старым казаком», князь Владимир — «ласковым», Идолище — «поганим», Киев — «стольным», поле — «чистым», стрела — «каленой», меч — «булатным», и пр.

В некоторых случаях постоянный эпитет употребляется неуместно. Так, царь Калин, посылая своего слугу в Киев, говорит:

«Ай же ты поганий татарище!
Знаешь говорить да ты по русскому».

Или:

Говорили татару таковы слова:
«Ай же ты собака да наш Калин-царь!
Захватили мы да старого казака Илью Муромца
Да во тых-то во подкопах во глубоких,
И привезли к тебе собаке царю Калину».

Происхождение и назначение постоянного эпитета в былинах сходно с происхождением и назначением «общих мест»: постоянный, раз навсегда придуманный эпитет помогает сказителю легче запомнить текст былинны.

Народные певцы не рассказывают былинны, а исполняют их нараспев, поют. Для того чтобы сохранить стихотворный размер, они

растягивают некоторые слова. Таких «растянутых» слов можно найти много в каждой былине. Так, вместо «зменных» сказитель часто говорит «зменных», вместо «русских» — «руских», вместо «новгородский» — «новгородский». Для сохранения ритма сказитель вставляет разные частицы — «вставки»: ай, ли, и, да, ко, от:

Ты води-ка своего-то жеребёночка,
Ай давай ему кататься ты во трех росах...
Еще конь-от будет он да и товарищ твой.

Таковы главнейшие стилистические и языковые особенности русских былин.

VI

Былины известны во многих местах России: на побережье Белого моря, в Онежском крае, на Волге, в Западной Сибири, в землях донских, оренбургских, уральских казаков и в других местах.

Исполнители былин — «сказители» — не простые передатчики старинных, «перенятых» ими песен: среди них встречались люди большого художественного дарования, талантливые импровизаторы. К таким замечательным певцам принадлежал северный крестьянин Трофим Григорьевич Рябинин, живший во второй половине прошлого века. Ученике Рыбников, а потом Гильфердинг записали от него много превосходных вариантов былин. Современником и земляком Рябинина был и другой знаменитый сказитель — Василий Щеголенок. Его приглашал в Ясную Поляну и внимательно слушал Лев Николаевич Толстой. Большую известность приобрели и женщины-сказительницы — бабушка Кривополенова, Аграфена Крюкова и др. Одну из них — северную «вопленицу» и исполнительницу былин Арину Федосову описал А. М. Горький.

Хороший певец знает часто десять-двадцать былин. Многие певцы имели своих учеников; ученики не только перенимали от них былины, но и умение исполнять их. У земляков своих сказители пользовались всегда большим уважением. Они пели былины по вечерам на «беседах», относясь к исполнению их с большой серьезностью: для многих певцов былины не просто песня; они верили, что герои былин жили когда-то в действительности и делали все то, о чем в былинах рассказывается.

На севере Советского Союза былины «сказывают» до сих пор. Советские ученые бережно записывают варианты древних народных старин.

Былины — героические песни русского народа. Народ создал их для себя, в них он рассказал о себе, о своей любви к родной земле, о ненависти к своим врагам; в былинах он запечатлел свой светлый разум, уважение к труду и несокрушимую свою силу.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ
И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова
Выезжал удаленькой, дородний добрый молодец.
Он стоял заутрену во Муромли,
А и к обеденке поспеть хотел он в стольней
Киев-град.

Да и подъехал он ко славному ко городу
к Чернигову.

У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным-черно́,
А и черным-черно, как чёрна вóрона;
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица черной ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А и побил он эту силу всю великую.
Ен подъехал-то под славный под Чернигов-град;
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А и зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,

Прямоезжую да в стольный Киев-град». Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленькой, дородный добрый молодец,
Ай ты славный богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехогою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал:
Как у той ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сиди Соловей-розбойник во сыром дубу,
Сиди Соловей-розбойник, Одихмантьев сын;
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Ен кричит, злодей розбойник, по-звериному,
И от него ли-то, от посвисту соловьяго, :
И от него ли-то, от покрыку звериного,
То все травушки-муравы улетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А й окольной дорожкой цела тысяча». Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченки, озёрки промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березы ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да й по-соловьему,
Закрывал злодей розбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы улетались,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земли вси приклонилися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корзни да потыкается.
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет пелоточку шелковую в белую руку,

А он бил коня а по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты итти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзини, собака, потыкаешься?
Не слыхал ли пѳсвисту солѳвьего,
Не слыхал ли пѳкрыку звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
А й тут старья казак да Илья Муромец,
Да берет-то он свой тугой лук розрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Ен тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрѳлиа в тѳго Сѳловья-розбѳйника,
Ему выбил право ѳко со косицею.
Ен спустил-то Сѳловья да на сырѳ землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечки булатному,
Ен повез его по славну по чистѳ полю,
Мимо гнездышкѳ повез да Соловьѳное.
Во том гнездышке да Соловьѳноем
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых;
Бѳльша дочка эта смотрит во окошечко косевчато,
Говорит ѳна да таковы слова:
«Едет-то наш батюшко чистѳм полем,
А сидит-то на добрѳм кони,
Да везет ѳн мужичища деревенщину,
Да у правого у стремени прикована».
Поглядела его дрѳга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшко роздольщѳм чистѳм полем,
Да й везет он мужичища деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его мѳньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичищѳ деревенщина,
Да й сидит мужик он на добрѳм кони,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована.
Ему выбито-то право ѳко со косицею».
Говорила-то й она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимыи!
Вы берите-тко рѳгатныи зверныи,
Да бежите-тко в роздольщѳе чистѳ поле,

Да вы бейте мужичища деревенщину».
 Эти мужевья да их любимыи,
 Зятевья то-есть да Соловьиныи,
 Похватали как рогадины звериныи,
 Да й бежали-то оны да й во чисто поле
 Ко тому ли к мужичищу деревенщине,
 Да хотят убить-то мужичища деревенщину.
 Говорит им Соловей-розбойник, Одихмантьев сын:
 «Ай же зятевья мои любимыи!
 Побросайте-тко рогадины звериныи,
 Вы зовите мужика да деревенщину,
 В своё гнездышко зовите Соловьиное,
 Да кормите ёго ёствушкой сахарною,
 Да вы пойте ёго питьцем медвяным,
 Да й дарите ёму дары драгоценныи».
 Эти зятевья да Соловьиныи
 Побросали-то рогадины звериныи,
 А й зовут-то мужика да й деревенщину
 Во то гнездышко да Соловьиное.
 Да й мужик-от деревенщина не слушатеся,
 А он едет-то по славному чисту полю,
 Прямоезжею дорожкой в стольнёй Киев-град.
 Он приехал-то во славный стольнёй Киев-град,
 А ко славному ко князю на широкой двор.
 А й Владимир-князь он вышел со божьёй церкви,
 Он пришел в полату белокаменну,
 Во столовую свою во горенку.
 Они сели есть да пить да хлеба кушати,
 Хлеба кушати да пообедати.
 А й тут старья казак да Илья Муромец
 Становил коня да посерёд двора;
 Сам идет он во полаты белокаменны,
 Проходил он во столовую во горенку,
 На пятау он дверь-ту порозмахивал;
 Крест-от клал ён по-писаному,
 Вел поклоны по-ученому,
 На все на три, на четыре на сторонки низко
 кланялся,
 Самому князю Владимиру в особину,
 Еще всем его князьям он подколенным.
 Тут Владимир-князь стал мѡлодца выпрашивать:
 «Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый
 мѡлодец,
 Тѡбе как-то, мѡлодца, да именѣм зовут,

Звеличают, удалого, по отчеству?»

Говорил-то старья казак да Илья Муромец:

«Есть я с славного из города из Муромля,

Из того села да с Карачирова,

Есть я старья казак да Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович»,

Говорит ему Владимир таковы слова:

«Ай же старья казак да Илья Муромец!

Да й давно ли ты новыехал из Муромля

И которою дороженькой ты ехал в стольней

Киев-град?»

Говорил Илья он таковы слова:

«Ай ты славныя Владимир стольнѣ-кнѣзской!

Я стоял заутреню христовскую во Муромли,

А й к обедежки поспеть хотел я в стольней

Киев-град,

То моя дорожка призаменикалась;

А я ехал-то дорожкой прямоезжею,

Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то

Чернигов-град,

Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,

Мимо славну реченку Смородину,

Мимо славную берёзу-ту покляпую,

Мимо славный ехал Леванидов крест»,

Говорил ему Владимир таковы слова:

«Ай же мужичищо деревенщина!

Во глазах, мужик, да подлыгнешься,

Во глазах, мужик, да насмехнешься!

Как у славного у города Чернигова

Нагнанѣ тут силы много множество,

То нехотою никто да не прохаживал

И на добром коне никто да не проезживал,

Туды серый зверь да не прорыскивал,

Птица черный ворон не протетивал;

А й у той ли-то у Грязи-то у Черноей,

Да у славноей у речки у Смородины,

Ай у той ли у березы у покляпоу,

У-того креста у Леванидова

Соловей сидит разбойник, Одихмантьев сын.

То как санцет Соловей да по-соловьему,

Как кричит злодей разбойник по-звериному,

То все травушки-муравы уплетаются,

А лазуревы цветки прочь отсылаются,

Темны лесушки к земан вси приклоняются,

А что есть людей, то вси мертвѣ лежатъ.
Говоритъ ему Илья да таковы слова:
«Ты Владимир-князь да стольнѣ-киевской!
Соловей-розбойникъ на твоёмъ дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею,
И онъ ко стремяни булатному прикованой».
То Владимир-князь-отъ стольнѣ-киевской —
Онъ скорешенько ставалъ да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
То онъ шапочку соболью на одно ушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на широкой дворъ
Посмотреть на Соловья-розбойника.
Говорилъ-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-тко, Соловей, ты по-солѡвьему,
Закрычи-тко ты, собака, по-звериному».
Говорилъ-то Соловей ему розбойникъ, Одихмантьевъ
сынъ:

«Не у васъ-то я сегодня, князь, обедаю,
А не васъ-то я хочу да и послушати,
Я обедалъ-то у старого казѧка Илья Муромца,
Да его хочу-то я послушати».
Говорилъ-то какъ Владимир-князь да
столянѣ-киевской:

«Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
Прикажи-тко засвистать ты Соловьёю да й
по-солѡвьему,

Прикажи-тко закрытьчатъ да по-звериному».
Говорилъ Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-розбойникъ, Одихмантьевъ сынъ!
Засвищи-тко ты во полъ-свисту солѡвьего,
Закрычи-тко ты во полъ-крыку звериного».
Говорилъ-то ему Сѡловей-розбойникъ, Одихмантьевъ
сынъ:

«Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходятъ-то мои уста сахѧрнии,
Не могу я засвистать да й по-солѡвьеву,
Закрычатъ-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мнѣ да зеленѧ вина.
Я повыпью-то какъ чару зеленѧ вина,
Мои раночки кровавы поразѡйдутся,
Да й уста мои сахѧрни порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-солѡвьему,

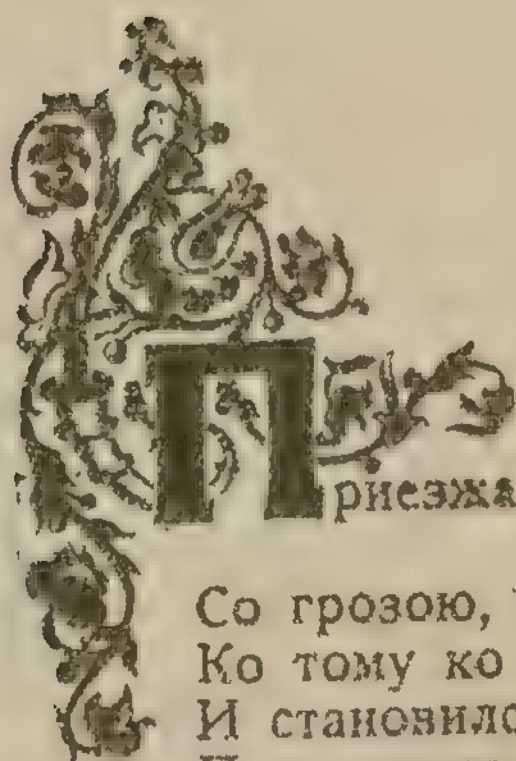

С рисунка В. Васнецова.

Да тогда я закрычу да по-звериному». Говорил Илья-тог князю он Владимиру: «Ты Владимир-князь да стольнѣ-киевской! Ты поди в свою столовую во горенку, Наливай-ко чару зеленá вина, Ты не малую стопу, да полтора ведра, Подноси-тко к Соловью к розбойнику». То Владимир-князь да стольнѣ-киевской Он скоренько шел в столову свою горенку, Наливал он чару зеленá вина, Да не малу он стопу, да полтора ведра, Розводил медами он стоялыма, Приносил-то ён ко Соловью-розбойнику. Соловей-розбойник, Одихмантьев сын, Принял чарочку от князя он одной ручкой, Выпил чарочку-ту Соловей одним духом. Засвистал как Соловей тут по-соловьему, Закрычал розбойник по-звериному, — Маковки на тѣремах покривились, А окóленки во тѣремах рассыпались От него, от посвисту соловьего, А что есть-то людюшок, так все мертвы́ лежат; А Владимир-князь-от стольнѣ-киевской

Куньей шубонькой он укрывается.
А й тут старой-от казак да Илья Муромец
Он скорешенько сажился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тоби полно-тко свистать да по-соловьему,
Тоби полно-тко крычать да по-звериному,
Тоби полно-тко слезить да отцей-матерей,
Тоби полно-тко вдовить да жен молодых,
Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых
детушек».

А тут Соловью ему й славу поют,
А й славу поют ему век по веку.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Приезжал Идолище поганое в стольно-
Киев-град

Со грозою, со страхом со великим
Ко тому ко князю ко Владимиру.
И становился он на княженецкий двор,
Посылал посла ко князю ко Владимиру,
Чтобы князь Владимир стольно-киевский
Ладил бы он ему поединщика,
Супротив его силушки супротивника.
Приходил посланник ко Владимиру
И говорил посланник таковы слова:
«Ты, Владимир-князь стольно-киевский!
Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
Поединщика и супротивничка с силушкой великою,
Чтобы мог он с Идолищем поправиться».
Тут Владимир-князь ужахнулся,
Приужахнулся да и закручинился.

Говорит Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владимир, не печалуйся:
На бою мне-ка смерть не написана.
Поеду я в раздольице чисто поле
И убью-то я Идолища поганого».
Обул Илья лапотники шелковые,
Подсумок одел он черна бархата,
На головушку надел шляпку земли Греческой,
И пошел он к Идолищу ко поганому.
И сделал он ошибочку не малую:
Не взял с собой палицы булатниа,
И не взял он с собой сабли вострыя.
Идет-то дорожкой — пораздумался:
«Хощь иду-то я к Идолищу поганому,
Ежели будет не пора мне-ка, не времячко,
И с чем мне с Идолищем будет поправиться?»
На ту пору, на то времячко
Идет ему встречу каличище Иванище,
Несет в руках клюху девяноста пуд.
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ай же ты каличище Иванище!
Уступи-тко мне клюхи на времячко,
Сходить мне к Идолищу к поганому».
Не дает ему каличище Иванище,
Не дает ему клюхи своей богатырскоюй...
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ай же ты каличище Иванище!
Сделаем мы бой-рукопашечный:
Мне на бою ведь смерть не написана —
Я тебя убью, мне клюха и достанется».
Рассердился каличище Иванище,
Здынул он клюху выше головы,
Спустил он клюху во сыру землю.
Пошел каличище — завбрыдал.
Илья Муромец едва достал клюху из сырой земли,
И пришел он во палату белокаменну
Ко этому Идолищу поганому.
Пришел к нему и поздравствовал.
Говорил ему Идолище поганое:
«Ай же ты калика перехожая!
Как велик у вас богатырь Илья Муромец?»
Говорит ему Илья таковы слова:
«Толь велик Илья, как и я».
Говорит ему Идолище поганое:

«По многу ли Илья ваш хлеба ест,
 По многу ли Илья ваш пива пьет?»
 Говорит Илья таковы слова:
 «По стольку ест Илья, как и я,
 По стольку пьет Илья, как и я».
 Говорит ему Идолище поганое:
 «Экой ваш богатырь Илья!
 Я вот по семи ведр пива пью,
 По семи пуд хлеба кушаю».
 Говорил ему Илья таковы слова:
 «У нашего Илья Муромца батюшка был крестьянин,
 У ёго была корова едучая:
 Она много пила-ела и лопнула».
 Это Идолищу не слюбилось.
 Схватил он кинжалище булатнее,
 И махнул он калику переходную
 Со всея со силушки великия.
 И пристраился Илья Муромец в сторонушку
 малёшенько,
 Пролетел его мимо-то булатный нож,
 Пролетел он на вонную сторону с простеночком.
 У Ильи Муромца разгорелось сердце богатырское,
 Схватил с головушки шляпку земли Греческой,
 И ляпнул он в Идолище поганое,
 И рассек он Идолище на-попы.

Тут ему Идолищу славу поют.

ИЛЫИ МУРОМЕЦ И КАЛИИ-ЦАРЬ

Да из орды, Золотой земли,
 Из тоя Могозен богатыя,
 Когда подымался злой Калин-царь,
 Злой Калин-царь Калинович,
 Ко стольному городу ко Киеву

Со своею силою с поганою.
Не дошел он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Днепра.
Сбиралось с ним силы на сто верст,
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнетя?
Зачем не расступится?
А от пару было от кониною
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видать луча света белого;
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.
Садился Калин на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Что выбрал татарина выше всех:
А мерою тот татарин трех сажень,
Голова на татарине с пивной котел,
Которой котел сорока ведер,
Промеж плечами косая сажень.
От мудрости словно написано:
Что возмет Калин-царь стольной Киев-град,
А Владимира-князя в полон положит,
Божьи церкви на дым пустит.
Дает тому татарину ярлыки скорописчаты,
И послал его в Киев наскоро.
Садился татарин на добра коня,
Поехал ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
А и будет он, татарин, в Киеве,
Среди двора княженецкого
Скакал татарин с добра коня;
Не вяжет коня, не приказывает,
Бежит он в gridню во светлую,
А спасову образу не молится;
Владимиру-князю не кланится
И в Киеве людей ничем зовст.
Бросал ярлыки на круглой стол
Перед великого князя Владимира.
Отшед татарин, слово выговорил:
«Владимир, князь стольной киевской!
А наскоро сдай ты нам Киев-град
Без бою, без драки великия

И без того кроволития напрасного». Владимир-князь запечалился,
А наскоро ярлыки распечатывал
И просматривал.
Гляючи в ярлыки, заплакал, свет.
По грехам над князем учинилося:
Богатырей в Киеве не случилось,
А Калин-царь под стеною стоит;
А с Калином силы написано
Не много, не мало — на сто верст
Во все четыре стороны.
Еще со Калином сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
Под всяким царем силы по три тьмы, по три
тысячи;

По праву руку его зять сидит,
А зятя зовут у него Сартаком;
А по леву руку сын сидит,
Сына зовут Лоншеком.
И то у них дело не окончено,
Татарин из Киева не выехал.
Втапору Василий Пьяница
Збежал на башню стрельную,
Берет он свой тугой лук разрывчатой,
Калену стрелу переную,
Наводил он трубками немецкими,
А где-то сидит злодей Калин-царь.
И тот-то Василий Пьяница
Стрелял он тут во Калина-царя;
Не попал во собаку Калина-царя,
Что попал он в зятя его Сартака:
Угодила стрела ему в правый глаз,
Ушиб его до смерти.
И тут Калину-царю за беду стало,
Что первую беду не утүшили,
А другую беду они загрезили,
Убили зятя любимого
С той башни со стрельных.
Посылал другого татарина
Ко тому князю Владимиру,
Чтобы выдал того виноватого.
А мало время замешкавши,
С той стороны полуденная,

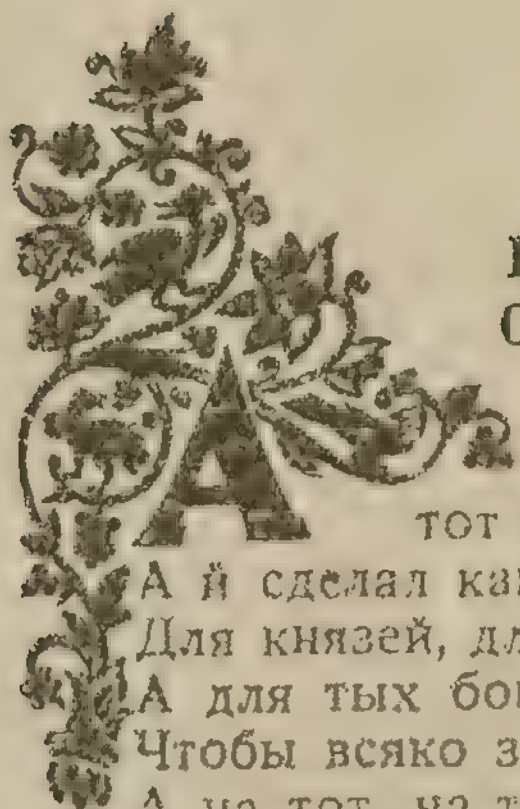
Что ясной сокол в перелет летит,
Как белой кречет перепорхивает,
Бежит паленица удалая,
Старой казак Илья Муромец.
Приехал он во стольной Киев-град,
Среди двора княженицкого
Скочил Илья со добра коня,
Не вяжет коня, не приказывает,
Идет во тридню во светлую;
Он молится спасу со пречистою,
Бьет челом князю со княгинею,
И на все четыре стороны, —
А сам Илья усмехается:
«Гой еси, сударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесаной?»
Владимир, князь стольной киевской,
Подает ярлыки скорописчаты,
Принял Илья, сам прочитывал, —
Говорил тут ему Владимир-князь:
«Гой еси, Илья Муромец!
Пособи мне думушку подумати:
Здать ли мне, не здать ли Киев-град,
Без бою мне, без драки великия,
Без того кровопролития напрасного?»
Говорит Илья таково слово:
«Владимир, князь стольной киевской!
Ни о чем ты, осударь, не печалуйся:
Боже-спас оборонит нас,
А не что, пречистой, и всех сохранит!
Насыпи ты мису чиста сѣребра,
Другую — красна золота,
Третью мису — скатного жемчуга;
Поедем со мной ко Калину-царю
Со своими честными подарками.
Тот татарин-дурак нас прямо доведет».
Наряжался князь тут поваром,
Замарался сажею котельною.
Поехали они ко Калину-царю,
А прямо их татарин в лагери ведет.
Приехал Илья ко Калину-царю
В его лагери татарские;
Скочил Илья с добра коня,
Калину-царю поклоняется,

Сам говорит таково слово:
«А и Калин-царь, злодей Калинович!
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимира:
Перву мису чиста сѣребра,
Другу — красна золота,
Третью мису — скатного жемчуга;
А дай ты нам сроку на три дни,
В Киеве нам приуправиться,
Отслужить обедни с панафидами,
Как-де служат по усопшим душам,
Друг с дружкой проститися».
Говорит тут Калин таково слово:
«Гой еси ты, Илья Муромец!
Выдайте вы нам виноватого,
Который стрелял с башни со стрельным,
Убил моего зятя любимого!»
Говорит ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калин-царь, повелѣное:
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимира.
Где нам искать такого человека и вам отдать?»
И тут Калин принял золоту казну
Не честно у него, сам прибранивает.
И тут Илье за беду стало,
Что не дал сроку на три дни и на три часа,
Говорил таково слово:
«Собака проклятой ты, Калин-царь!
Отойди с татарами от Киева.
Охота ли вам, собака, живым быть?»
И тут Калину-царю за беду стало,
Велел татарам сохватать Илью;
Связали ему руки белые
Во крепки чембуры шелковые.
Втапоры Илье за беду стало,
Говорил таково слово:
«Собака проклятой ты, Калин-царь!
Отойди прочь с татарами от Киева.
Охота ли вам, собака, живым быть?»
И тут Калину за беду стало —
И плюет Илье во ясны очи:
«А русской люд всегда хвастлив,
Опутан весь, будто лысой бес,
Еще ли стоит передо мною, сам хвастает».

И тут Илье за беду стало,
За великую досаду показалось,
Что плюет Калин в ясны очи;
Скочил в полдрева стоячего,
Изорвал чембуры на могучих плечах.
Не допустят Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкия,
До медны-литы в три тысячи.
Схватил Илья татарина за ноги,
Которой ездил во Киев-град,
И зачал татарин помахивати:
Куда ли махнет — тут и улицы лежат,
Куды отвернет — с переулками;
А сам татарину приговаривает:
«А и крепок татарин, не ломится,
А жиловат, собака, не изорвется».
И только Илья слово выговорил,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та глава по силе вдоль
И бьет их, ломит, вконец губит.
Достальные татара на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагеря.
Воротился Илья он ко Калину-царю,
Схватал он Калина во белы руки,
Сам Калину приговаривает:
«Вас-то, царей, не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают!»
Согнет его корчагой,
Возымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крохи говенные.
Достальные татара на побег бегут,
Сами они заклинаются:
«Не дай бог нам бывать ко Киеву,
Не дай бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы?
Один человек всех татар прибил!»
Пошел Илья Муромец
Искать своего товарища,
Того ли Василия Пьяницу Игнатьева:
И скоро нашел его на кружале Петровском;
Привел ко князю Владимиру.
А пьет Илья довольно зелена вина

С тем Васильем со Пьяницей,
И называет Илья того Пьяницу
Василья братом названным.

То старина, то и деянье.

ИЛЛЯ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

А тот ли-то князь да стольнѣ-кневской
А ѿ сделал как, задернул свой почестной пир
Для князей, для бояр да для богатырей,
А для тых богатырей да русских,
Чтобы всяко звание да шло туды,
А на тот, на тот да на почестный пир,
А к стольному князю ко Владимиру.
Да забыл он позвать да что лучшего,
А что лучшего да лучшего богатыря,
А старого казака Илью Муромца.
Да тут-то ведь Илюше не к лицу пришло,
А не к лицу пришло, стало похабно есть,
И тут-то Илья да раззадорился,
А тут-то Илья да разретивился,
Как скоро натянул он свой тугой лук,
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенька раздумался:
«А что мне, молодцу, будѣ поделати?
А я нынь, молодец, е разгневанной,
А я нынь, молодец, есть рассерженной».
Как он-то за тым тут повыдумал,
А стрелил-то он тут по божьим церквам,
А до тым стрелил по чудным крестам,
А по тым маковкам золоченым.
Да пали тут тые маковки,
Да пали тут, отпали на сырѹ землю,
Да сам он закрычал тут во всю голову:

«Да ай же вы были, го́ли мои,
А толи мои вы кабацкие,
А доброхоты-то вы еще царские!
А собирайтесь-ко вы да сюда́-то все,
А обирайте маковки все золоче́ные.
А подёмте-ко вы да со мной еще,
А тот-то на тот да на царёв кабак,
Как станем нунь пить да зеленá вина,
Да станем-то пить да заодно́ со мной.
Да как тут-то эти да го́ли были,
А го́ли были они кабацкие,
А доброхоты все были царские,
Обирали маковки тые золоче́ные,
Сами они к ёму да прибегают все:
«А батюшко ты да отец наш был!»
А пили тут они да зеленó вино,
Как пили тут они да заоднёшенько.
Да как видит-то князь, что беда пришла,
А беда-та пришла да немину́чая,
Да как тут-то он дал е скорым-скуро́,
А скорым-скуро́, скоро́-сворёшенько,
А сделал он, задернул тут почестный пир
А для старого каза́ка Ильи Муромца.
Да тут-то ведь князь да стольни́е-киевской,
Да тут-то ведь он еще думал есть
Со князьями, со бояры со русийскима,
А со тума со могучима богáтырмы:
«А думайтё-тко, братцы, вы нунь думушку,
А думайтё-тко, братцы, думу крепкую,
А думайте думу, не продумайте:
А нам кого бу́дет послать да Илью позвать,
А позвать сюды к нам на почестной пир
А старого казака Илью Муромца?»
А как тут-то они да думу думали:
«А нам-то есть кого послать Илью позвать?
А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича,
Он ему да ведь брат крестовый,
А крестовый-то братец да названыи,
Дак он-то, бывает, его послушает».
Как тут-то Добрынюшка Микитич
А приходит-то он к братцу да крестовому,
Да как здоровствует он братца да крестового:
«А здоровствуй-ко, братец мой крестовый,
А крестовый братец мой названыи!»

Да как старын казак Илья Муромец
Да как он-то его да так же здоровствует:
«Ай здоровствуй-ко, брат мой крестовын,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришел да загулял сюда?» —
«А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел, да не о малом.
Да у нас-то с тобой было раньше того,
А раньше того дело поделано,
А пописи были пописаны,
А заповеди да поположонны,
А слушать-то брату да меньшому,
А меньшому слушать брата большого.
Да еще-то как у нас да есте с тобой.
А слушать-то брату ведь большому,
А й большому слушать брата меньшого».
Да тут говорит Илья таковó слово:
«Ах ты братец да мой да был крестовын!
Да как нунечку, топеречку у нас с тобой
А все-то пописи да были ведь пописаны,
А заповеди были поположены,
А слушать-то брату ведь меньшому,
А меньшому слушать да большого,
А большому слушать брата меньшого.
Кабы не братец ты крестовый был,
А некого бы я не послушал здесь!
Дак послушаю я братца нунь крестового,
А крестового братца и названого.
А тот ли-то князь стольнѣ-киевской
А знал-то послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
Меня позвал туды да на почестной пир,
Да я тебя, братец же, послушаю».
Да приходит он к князю к Володимиру
Да тот старын казак да Илья Муромец
А со тым с Добрынюшкой с Микитичем,
А со братом со своим да со крестовым.
А дают ему тут место не меньшое,
А не меньшое место было — большое,
А сядят-то их во большой угол,
А во большой угол, да за большой-от стол.
Да как налили тут чару зеленá вина,
А несли эту чару рядом к нему,
А к старому казаку к Ильи к Муромцу.

Да как принял он чару единой рукой,
А выпил он чару во единый вздох.
А другú наливали пива пьяного,
А несли эту чару рядом к нему,
А принял тут Ильюша единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единый вздох.
Как третью наливали мёду сладкого,
Да принял молодец тут единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единый вздох.
Тут наелись, напились все, накушались,
Да стали тут они да все пьянёшеньки,
А стали тут они все веселёшеньки.
Как говорит Илья тут таковó слово:
«Ай же ты князь стольнё-киевской!
А знал-то послать кого меня позвать,
А послал-то братца ко мне ты крестового,
А того-то мне Добрынюшка Микитича.
Кабы то мне да ведь не братец был,
А некого-то я бы не послухал здесь,
А скоро натянул бы я свой тугой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ты в гридню во столовую,
А я убил бы ты, князя, со княгинею.
За это я тебе-то нунь прощу
А эту вину да ту великую».

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитич!
Ты не ездятко на гору Сорочинскую,
Не топчатко там ты малых змеёнышов,
Не выручай же полону там русьского,
Не кулись-ко ты во матушке Пучай-реки:
Тая река свирипая,

Свирипая река, сама сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит, да сам со пламенью».
Молодой Добрыня сын Никитинич
Он не слушал да родители тут магушки,
Честной вдовы Офимьи Александровной:
Ездил он на гору Сорочинскую,
Топтал он тут малых змеёнышков,
Выручал тут полону да русского.
Тут купался да Добрыня во Пучай-реки,
Сам же тут Добрыня испроговорил:
«Матушка Добрынюшке говаривала;
Родная Никитичу наказывала:
— Ты не ездитко на гору Сорочинскую,
Не топчитко там ты малых змеёнышков,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки:
Тая река свирипая,
Свирипая река, да е сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит, да сам со пламенью. —
Эта матушка Пучай-река —
Как ложинушка дождёвая».
Не поспел тут же Добрыня словца молвити —
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другою же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит, да сам со пламенью.
Выходит тут змея было проклятая,
О двенадцати змея было о хоботах:
«Ах ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Захочу я нынь — Добрынюшку целю сожру,
Захочу — Добрыню в хоботу возьму,
Захочу — Добрынюшку в полон снесу».
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ай же ты змея было проклятая!
Ты поспела бы Добрынюшку да захватить,
В ту пору Добрынюшкой похвастати,
А нунычу Добрыня не в твоих руках».
Нырнет тут Добрынюшка у бережка,
Вынырнул Добрынюшка на другом, —

Нету у Добрыни коня доброго,
Нету у Добрыни копья вострого.
Нечем тут Добрынюшке поправиться.
Сам же тут Добрыня приужахнется,
Сам Добрыня испроговорит:
«Видно, нонечу Добрынюшке кончинушка!»
Лежит тут колпак да земли Греческой,
А весу-то колпак буде трех пудов.
Ударил он змею было по хоботам,
Отшиб змеи двенадцать тых же хоботов,
Сбился на змею да он с коленками,
Выхватил ножищю да кинжалищю,
Хоче он змею было пороспластать.
Змея ему да тут смолилася:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Будь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат,
Я тебе да сестра меньшая.
Сделаем мы же заповедь великую:
Тебе-ка-ва не ездить нынь на гору Сорочинскую,
Не топтать же zde-ка маленьких змеёнышков,
Не выручать полону да русского,
А я тебе сестра да буду меньшая, —
Мне-ка не летать да на святую Русь,
А не брать же больше полону да русского,
Не носить же мне народу христианского».
Отслабил он колен да богатырских.
Змея была да тут лукавая,
С-под колен да тут змея свернулася,
Улетела тут змея да во кувыль-траву.
И молодой Добрыня сын Никитинич
Пошел же он ко тороду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
К своей тут ко родители ко матушке,
К честной вдове Офимье Олександровной.
И сам Добрыня порасхвастался:
«Как нету у Добрыни коня доброго,
Как нету у Добрыни копья вострого,
Не на ком поехать нынь Добрыне во чисто поле!»
Испроговорит Владимир стольнѣ-киевской:
«Как солнышко у нас идет на вѣчере,
Почестный пир идет у нас на вѣселе,
А мне-ка-ва, Владимиру, не весело.
Одна у меня любимая племянничка,
И молода Забава дочь Потятична;

Летела тут змея у нас проклятая,
Летела же змея да через Киев-град;
Ходила нунь Забава дочь Потятична
Она с мамками да и с нянками
В зеленѣм саду гулятитесья.
Подпада́ла тут змея было проклятая
Ко той матушке да ко сырой земли,
Ухватила тут Забаву дочь Потятичну
В зеленѣм саду да ю гуляючи
Во свои было во хоботъ зменные,
Унесла она в пещерушку змеиную».
Сидят же тут два русьских могучих богатыря:
Сидит же тут Алёшенька Левонтьевич,
Во дру́гих Добрыня сын Никитич.
Испроговѣрит Владимир стольнѣ-киевской:
«Вы русьские могучие богатыри,
Ай же ты Алёшенька Левонтьевич!
Можь ли ты достать у нас Забаву дочь Потятичну
Из той было пещеры из змеиную?»
Испроговѣрит Алёшенька Левонтьевич:
«Ах ты солнышко Владимир стольнѣ-киевской!
Я слыхал было на сѣм светѣ,
Я слыхал же от Добрынюшки Никитича:
Добрынюшка змеи было крестовый брат.
Отдаст же тут змея проклятая
Молоду Добрынюшке Никитичу
Без бою, без драки-кроволития
Тую ж нунь Забаву дочь Потятичну».
Испроговѣрит Владимир стольнѣ-киевской:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитич!
Ты достань-ко нунь Забаву дочь Потятичну
Да из той было пещерушки змеиную.
Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
Прикажу тебе, Добрыня, голову рубить».
Повесил тут Добрыня буйну голову,
Утопил же очи ясные
А во тот ли во кирпичен мост.
Ничего ему Добрыня не отвечает.
Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
Отдает ему великое почтение
Ему нунь за весело пирование.
И пошел же ко родители ко матушке
И к честной вдовы Офимье Александровной.
Тут стретает его да родитель матушка,

Сама же тут Добрыня испроговорит:
«Что же ты, рожное, не вѣсело,
Буйну голову, рожное, повесило?
Ах ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Али ествы-ты были не по уму?
Али пѣтьица-ты были не по разуму?
Аль дурак-тот над тобою надсмехался ли?
Али пьяница ли там тебя приоббозвал?
Али чарою тебя да там приобнесли?»
Говорил же тут Добрыня сын Никитинич,
Говорил же он родители тут матушке
А честной вдовы Офимьи Александровной:
«Ай честна вдова Офимья Александровна!
Ествы-ты же были мне-ка по уму,
А и пѣтьица-ты были мне по разуму,
Чарою меня там не приобнесли,
А дурак-тот надо мною не смеялся же,
А и пьяница меня да не приоббозвал;
А накиннул на нас службу да великую
Солнышко Владимир стольнѣ-киевской:
А достать было Забаву дочь Потятичну
А из той было пещеры змѣнною;
А нуль нету у Добрыни коня доброго,
А нуль нету у Добрыни коня вострого,
Не с чем мне поехать на гору Сорочинскую
К той было змѣе нынѣ ко проклятою».
Говорила тут родитель ему матушка
А честная вдова Офимья Александровна:
«А рожное мое ты нынѣ же дитятко,
Молодой Добрынюшка Никитинич!
Богу ты молись да спать ложись,
Буде утро мудро, мудренее буде вечера,
День у нас же буде там прибыточен.
Ты поди-ко на конюшню на стоялую,
Ты бери коня с конюшенки стоялыя,
Батюшков же конь стоит да дедушков,
А стоит бурко пятнадцать лет,
По колен в назѣм же ноги призарощены,
Дверь по поясу в назѣм зарощена».
Приходит тут Добрыня сын Никитинич
А ко той ли ко конюшенке стоялыя,
Повыдернул же дверь он вон из назѣму,
Конь же ноги из назму да вон выдѣргиват.
А берет же тут Добрынюшка Никитинич,

Берет Добрынюшка добра коня
На ту же на узду да на тесмяную,
Выводит из конюшенки стоялыи,
Кормил коня пшенною белояровой,
Поил питьями медвяными.
Ложился тут Добрыня на велик одёр.
Ставае он по утрушку ранёхонько,
Умывается он да и белёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
А седлае своего да он добра коня,
Кладывае он же потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седельшко,
И садился тут Добрыня на добра коня.
Провожает тут родитель его матушка
А честная вдова Офимья Олександровна;
На поезде ему плёточку нунь подала,
Подавала тут плетку шамахинскую
А семи шелков да было разных,
А Добрынюшке она было наказыват:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Вот тебе да плётка шамахинская:
Съедешь ты на гору Сорочинскую,
Станешь топтать маленьких змеёнышов,
Выручать тут полону да русского,
Да не станет твой же бурушко поскакивать,
А змеёнышов от ног да прочь отряхивать, —
Ты хлыщи бурка да нунь промеж уши,
Ты промеж уши хлыщи, да ты промеж ноги,
Ты промеж ноги, да промеж задни,
Сам бурку да приговаривай:
«Бурушка, ты нунь поскакивай,
А змеёнышов от ног да прочь отряхивай!»
Тут простиласи да воротиласи.
Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалого поедучи.
Не дорожками поехал, не воротами, —
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Он на тую гору Сорочинскую;
Стал топтать да маленьких змеёнышов,
Выручать да полону нунь русского.
Подточили тут змеёныши бурку да щоточки,
А не стал же его бурушко поскакивать.

На кони же тут Добрыня приужахнется:
Нунечку Добрынюшке кончинушка!
Спомнил он наказ да было матушкин,
Сунул он же руку во глубок карман,
Выдернул же плетку шамахинскую.
А семи шелков да шамахинских,
Стал хлыстать бурка да он промеж ушн,
Промеж ушн да он промеж ноги,
А промеж ноги, да промеж заднии,
Сам бурку да приговариват:
«Ах ты бурушко, да нунь поскакивай,
А змеёнышов от ног да прочь отряхивай!»
Стал же его бурушко поскакивать,
А змеёнышов от ног да прочь отряхивать,
Притоптал же всех он маленьких змеёнышков,
Выручал он полону да русского.
И выходит тут змея было проклятая
Да из той было пещеры из змеиною
И сама же тут Добрыне испроговорит:
«Ах ты душенька Добрынюшка Никитинич!
Ты порушил свою заповедь великую,
Ты приехал нунь на гору Сорочинскую
А топтать же моих маленьких змеёнышов».
Говорит же тут Добрынюшка Никитинич:
«Ай же ты змея проклятая!
Я ли нунь порушил свою заповедь,
Али ты, змея проклятая, порушила?
Ты зачем летела через Киев-град,
Унесла у нас Забаву дочь Потятичну?
Ты отдай-ка мне Забаву дочь Потятичну
Без бою, без драки-кроволития».
Не отдавала она без бою, без драки-кроволития,
Заводила она бой, драку великую
Да большое тут с Добрыней кроволитие.
Бился тут Добрыня со змеей трои сутки,
А не може он побить змеи проклятою.
Наконец хотел Добрынюшка отъехать,
Из небес же тут Добрынюшке да глас гласит:
«Ах ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Бился со змеей ты да трои сутки,
А побейся-ко с змеей да еще три часу».
Тут побился он, Добрыня, еще три часу,
А побил змею да он проклятую.
Попустила кровь свою змеиную,

От востока кровь она да вниз до запада,
А не прижре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеиною.
А стоит же тут Добрыня во крови трон сутки,
На коне сидит Добрыня — приужахнется,
Хочет тут Добрыня прочь отъехать,
З-за небесей Добрыне снова глас гласит:
«Ай ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Бей-ко ты копьем да бурзамецкиим
Да во ту же матушку сырú землю,
Сам к земле да проговаривай».
Стал же бить да во сырú землю,
Сам к земле да приговаривать:
«Расступись-ко ты же, матушка сыра земля,
На четыре на все стороны,
Ты прижри-ко эту кровь да всю змеиную!»
Расступилась было матушка сыра земля
На все на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь в себя змеиную.
Опускается Добрынюшка с добра коня
И пошел же по пещерам по змеиным,
Из тыи же из пещеры из змеиною
Стал же выводить да полону он русьского.
Много вывел он было князей, князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц да и князевичных
А из той было пещеры из змеиною,
А не може он найти Забавы дочь Потятичной.
Много он прошел пещер змеиных,
И заходит он в пещеру во последнюю,
Он нашел же там Забаву дочь Потятичну
В той последнею пещеры во змеиною.
А выводит он Забаву дочь Потятичну
А из той было пещерушки змеиною,
Да выводит он Забавушку на белый свет,
Говорит же королям да королевичам,
Говорит князям да он князевичам
И девицам королевичным
И девицам он да нунь князевичным:
«Кто откуль вы да унесены,
Всяк ступайте в свою сторону,
А собирайтесь все да по своим местам,
И не троне вас змея болé проклятая.

А убита е змея да та проклятая,
А пропущена да кровь она зменная,
От востока кровь да вниз до запада,
Не унесет нунь бóле пóлону да русьского
И народу христианского.
А убита е змея да у Добрынюшки
И прикончена да жизнь нуньчú зменная».
А сядил ся тут Добрыня на добра коня,
Брал же он Забаву дочь Потятичну,
А садил же он Забаву на правó стегно́,
А поехал тут Добрыня по чистú полю.
Испрогóворит Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за выслугу
Назвала тебя бы я нунь батюшком,
И назвать тебя Добрыня нуньчу не́ можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимым,
А назвать тебя Добрыня нуньчу не́ можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь другом да любимым,
В нас же вы, Добрынюшка, не влюбитесь!»
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич
Молодой Забавы дочь Потятичной:
«Ах ты мóлода Забава дочь Потятична!
Вы есть нуньчу роду княженецкого,
Я есть роду христианского:
Нас нельзя назвать же другом да любимым».
А везет же он, Добрыня, по чистú полю,
Он наехал во чистóм поле да ископытъ,
Ископытъ да лошадиною,
А как стúльями земля да проворочена.
Тут поехал нунь Добрыня сын Никитинич
Той же ископытю лошадиною,
Он увидал тут Алёшеньку Левонтьева:
«Ай же ты Алёшенька Левонтьевич!
Ты прими от нас Забаву дочь Потятичну.
Вез же я Забаву да во честности,
Да от нас прими, Алёшенька, во честности,
Не стыди-тко ей да личка белого;
Ты пристыдишь ей да личко белое —
Мне-ка-ва она да тут пожа́лится,
Я те завтра тут, Алёшка, голову́ срублю!
А свези-ка ты к Владимиру во честности,
К сонышку ко князю стольнѣ-киевску».

АЛЁША ПОПОВИЧ И ТУГАРНИ

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясные соколы вылётывали,
Выезжали два могучие богатыря,
Что по имени Алёшенька Попович млад
А со молодым Екимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.
Они ездили, гуляли по чисту полю.
Ничего они в чистом поле не наезживали:
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они зверя прыскачегу,
Только в чистом поле наехали —
Лежат три дороги широкие,
Промежу тех дорог лежит горяч камень,
А на камени подпись подписана.
Взговорит Алёша Попович млад:
«А и ты братец Еким Иванович,
В грамоте поученой человек!
Посмотри на камени подписи,
Что на камени подписано?»
И скочил Еким со добра коня,
Посмотрел на камени подписи,
Росписаны дороги широкие:
Первая дорога во Муром лежит,
Другая дорога в Чернигов-град,
Третья ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру.
Говорил тут Еким Иванович:
«А и братец Алёша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?»
Говорил ему Алёша Попович млад:
«Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру».

Втапоры поворотили добрых коней
И поехали они ко городу ко Киеву.
Не доехавши они до Сафат-реки,
Становились на лугах на зеленых,
Надо Алёше покормить добрых коней,
Расставили тут два белá шатра,
Что изволил Алёша опочив держать.
А и мало время позамешкавши,
Молодой Еким со добры кони,
Стреножимши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер опочив держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна Алёша пробуждается,
Встает рано-ранёшенько,
Утренней зарею умывается,
Белою ширинкою утирается,
На восток он Алёша богу молится.
Молоды Еким сын Иванович
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку,
И приказал ему Алёша
Скоро седлать добрых коней;
Оседлавши он, Еким, добрых коней,
Наряжаются они ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним калика перехожая:
Лапотки на нем семи шелков,
Подковырены чистым сѣребром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли Греческой,
В тридцать пуд шелепуга подорожная,
В пятьдесят пуд налита свинцу чебурацкого.
Говорил таково слово:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он, Тугарин, трех сажень,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним, как лютой зверь,
Из хайлица пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит».
Привязался Алёша Попович млад:
«А и ты братец калика перехожая!
Дай мне платье каличее,

Возьми мое богатырское:
Лапотки свои семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу сорочинскую, земли Греческой,
В тридцать пуд шелепугу подорожную,
В пятьдесят пуд налиту свинцу чебурацкого».
Дает свое платье калика Алёше Поповичу,
Не отказываючи; а на себя надевал
То платье богатырское.
Скоро Алёша каликою наряжается
И взял шелепугу дорожную,
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалище булатное,
Пошел за Сафат-реку.
Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом.
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алёша Попович едва жив идёт.
Говорил тут Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси, калика перехожая!
А где ты слыхал и где видал
Про молода Алёшу Поповича;
А и я бы Алёшу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил».
Говорит тут Алёша каликою:
«А и ты гой еси, Тугарин Змеевич млад!
Поезжай поближе ко мне,
Не слышу я, что ты говоришь».
И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад.
Сверстался Алёша Попович млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлеснул его шелепугою по буйной голове,
Расшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сырú землю;
Скочил ему Алёша на черну грудь.
Втапору взмолился Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты ли Алёша Попович млад?
Токо ты Алёша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой?»
Втапору Алёша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,

Платье с него снимал цветное
На сто тысячей,
И все платье на себя надевал,
Садился на его добра коня
И поехал к своим белым шатрам.
Втапоры увидели Еким Иванович
И калика перехожая,
Испужались его, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.
И постигает их Алёша Попович млад.
Обвернется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу боевую в тридцать пуд,
Бросил назад себе,
Показалось ему, что Тугарин Змеевич млад,
И угодил в груди белые Алёши Поповича,
Сшиб из седлечка черкесского,
И упал он на сыру землю.
Втапоры Еким Иванович
Скочил со добра коня, сел на груди ему,
Хочет пороть груди белые,
И увидел на нем золот чудес крест.
Сам заплакал, говорил калике перехожему:
«По грехам надо мною, Екимом, учинилось,
Что убил своего братца родимого».
И стали его оба трясти и качать,
И потом подали ему питья заморского;
От того он здрав стал.
Стали они говорить и между собою платьем
меняти:

Калика свое платье надевал каличье,
А Алёша — свое богатырское,
А Тугарина Змеевича платье цветное
Клади в чебодан к себе;
Сели они на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
А и будут они в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни;
Молятся спасову образу,
И бьют мелом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксеевне

И на все четыре стороны.
Говорил им ласковой Владимир-князь:
«Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут:
А по имени вам можно место дать,
По отчеству можно пожаловати».
Говорит тут Алёша Попович млад:
«Меня, осударь, зовут Алёшею Поповичем,
Из города Ростова, старого дна соборного».
Всталоры Владимир-князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
«Гой еси, Алёша Попович млад!
По отчеству садися в большое место, в передний
уголок,

В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь».
Не садился Алёша в место большое
И не садился в дубову скамью,
Сел он со своими товарищи на полатной брус.
Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей.
Сажали в место большое,
И подле его сидела княгиня Апраксеевна.
Тут повары были догадливы,
Понесли ества сахарные и питья медвяные,
А питья всё заморские,
Стали тут пить, есть, прохлажатися.
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест,
По целой ковриге за щеку мечет,
Те ковриги монастырские;
И нечестно Тугарин питья пьет,
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра.
И говорил всталоры Алёша Попович млад:
«Гой еси ты, ласковой сударь Владимир-князь!
Что у тебе за болван пришел,
Что за дурак неотесаной?
Нечестно у князя за столом сидит,
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарные,
Тебе, князю, насмехается!

А у моего сударя батюшка
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася.
Взял ее за хвост, под гору махнул;
От меня Тугарину то же будет!»
Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алёша Попович стал, как светел месяц.
И опять атапоры повары были догадливы,
Носят ества сахарные.
И принесли лебедушку белую,
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцом, под стол опустила,
Говорила таково слово:
«Гой вы еси, княгини, боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича!»
Он взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще тут же ковригу монастырскую;
Говорит Алёша на полатном бруссу:
«Гой еси, ласковой осударь Владимир-князь!
Что у тебе за болван сидит,
Что за дурак неотесаной?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест,
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил!
У моего сударя батюшка
Федора, попа ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресная,
От того она лопнула;
Взял за хвост, под гору махнул;
От меня Тугарину то же будет!»
Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул чингалище булатное,
Бросил в Алёшу Поповича;
Алёша на то-то верток был, —
Не мог Тугарин попасть в него;

Подхватил чингалище Еким Иванович,
Говорил Алёше Поповичу:
«Сам ли ты бросаешь в него, али мне велишь?» —
«Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Завтра с ним переделаюсь,
Бьюсь я с ним о велик заклад,
Не о ста рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове».
Втапору князьи и бояра
Скочили на резвы ноги,
И все за Тугарина поруки держат:
Князи кладут по сту рублей,
Бояра — по пятидесят,
Крестьяне — по пяти рублей.
Тут же случилися гости купеческие,
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всяки товары заморские,
Которы стоят на быстром Непре;
А за Алёшу подписывал владыка черниговской.
Втапору Тугарин звился и вон ушел,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльях под небесью
летать.

Скочила княгиня Апраксевна на резвы ноги,
Стала пенять Алёше Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому».
Втапору того Алёша не слушался,
Звился с товарищи и вон пошел.
Садился на добры кони,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней опустили в зелены луга.
Тут Алёша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
«Создай, боже, тучу грозную,
А и тучи-то, с градом дождя!»
Алёшины молитвы доходны ко Христу,
Дает господь бог тучу, с градом дождя,
Замочила Тугарина крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Еким Иванович,

Сказал Алёше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алёша наряжается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку вострую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
И увидел Тугарин Змеевич Алёшу Поповича,
Заревел зычным голосом:
«Гой еси, Алёша Попович млад!
Хошь ли я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алёша, конем стопчу,
Али тебя, Алёшу, копьем заколю».
Говорил ему Алёша Попович млад:
«Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад,
Биться, драться один на один,
А за тобою ноне силы сметы нет
На меня, Алёшу Поповича».
Оглянется Тугарин назад себя,
Втапору Алёша подскочил, ему голову срубил,
И пала глава на сыру землю, как пивной котел.
Алёша скочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню
И привез в Киев на княжецкой двор,
Бросил среди двора княженецкого.
И увидел Алёшу Владимир-князь,
Пошел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы,
Тут для Алёши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
«Гой еси, Алёша Попович млад!
Час ты мне свет дал,
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне князю Владимиру,
Дó любви тебя пожалую!»
Втапору Алёша Попович млад князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою;
А княгиня говорила Алёше Поповичу:
«Деревенщина ты, заслыщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным!»

Отвечает Алёша Попович млад:
«А ты той еси, матушка княгиня Апраксевна!
Чуть не назвал я тебя сукою,
Сукою-то волочайкою».

То старина, то и деянье.

СУХМАН

Ласкова у князя у Владимира
Было пируваньце — почестен пир
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей
И на всю поляницу удалую.
Красное солнышко на вечере,
Почестный пир идет на вёселе.
Все на пиру пьяны-веселы,
Все на пиру порасхвастались:
Глупый хвастает молодой женой,
Безумный хвастает золотой казной,
А умный хвастает старой матерью,
Сильный хвастает своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тем за столом за дубовым
Сидит богатырь Сухмантий Олхмантьевич:
Ничем-то он, молодец, не хвастает.
Солнышко Владимир столбно-княжеской
По гридне столовой похаживает,
Желтыма кудерками потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Аи же ты Сухмантий Олхмантьевич!
Что же ты ничем не хвастаешь,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Белыя лебеди не рушаешь?
Али чара ти шла не рядобная,

Али место было не по отчине,
Али пьяница надсмеялся ти?»
Воспроговорит Сухман Одихмантьевич:
«Солнышко Владимир стольно-киевской!
Чара-то мне-ка шла рядобная,
А и место было по отчине,
Да и пьяница не надсмеялся мне.
Похвастать — не похвастать добру молодцу:
Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену».
Тогда Сухмантий Одихмантьевич
Скоро вставает на резвы ноги,
Приходит из гридни из столовая
Во тую конюшенку стоялую,
Седлает он своего добра коня,
Взимает палицу воинскую,
Взимает для пути для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.
Садился Сухмантий на добра коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тоя ко тихия ко заводи.
Как приехал ко первыя тихия заводи —
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утёныши.
Ехал ко другия ко тихия ко заводи:
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утёныши.
Ехал ко третия ко тихия ко заводи:
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утёныши.
Тут-то Сухмантий пораздумался:
«Как поехать мне ко славному городу ко Киеву,
Ко ласковому ко князю ко Владимиру,
Поехать мне — живу не бывать;
А поеду я ко матушке Непры-реке!»
Приезжает ко матушке Непры-реке:
Матушка Непра-река текет не по-старому,
Не по-старому текет, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася.
Стал Сухмантыюшка выспрашивати:
«Что же ты, матушка Непра-река,

Что же ты текешь не по-старому,
Не по-старому текешь, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?»
Испроговорот матушка Непра́-река:
«Как же мне течи было по-старому,
По-старому течи, по-прежнему,
Как за мной, за матушкой Непро́й-рекой,
Стоит сила татарская, неверная,
Сорок тысячей татаровей поганных?
Мостят они мосты калиновы;
Днем мостят, а ночью я повырою:
Из сил матушка Непра́-река повыбилась!»
Раздумался Сухмантий Одихмантьевич:
«Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарския,
Татарския силы, неверныя».
Направил своего добра́ коня
Через тую матушку Непру́-реку;
Его добрый конь перескочил.
Приезжает Сухмантий ко сыру́ дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивал дуб со кореньямы,
За вершинку брал, а с ко́мля сок бежал.
И посхал Сухмантьюшка с дубиночкой.
Напустил он своего добра́ коня
На тую ли на силу на татарскую.
И начал он дубиночкой помахивати,
Начал татар поколачивати;
Махнет Сухмантьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек;
Убил он всех татар поганных.
Бежало три татарина поганных,
Бежали ко матушке Непры-реке,
Садилась под кусточки под ракизовы,
Направили стрелочки каленые.
Приехал Сухмантий Одихмантьевич
Ко той ко матушке Непры-реке, —
Пустили три татарина поганных
Тыи стрелочки каленые
Во его́ бока во белые.
Тут Сухмантий Одихмантьевич
Стрелочки каленые выдергивал,
Совал в раны кровавые листочки маковы,

А трех татаровей поганных
Убил своим ножищем-кинжалнцем.
Садился Сухмантий на добра коня,
Припустил ко матушке Непры-реке.
Приезжал ко городу ко Киеву,
Ко тому двору княженецкому,
Привязал коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Сам бежал во гридню во столовую.
Князь Владимир стольно-киевской
По гридне столовая похаживает,
Желтыма кудерками потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену?»
Говорит Сухмантий Одихмантьевич:
«Солнышко князь стольно-киевской!
Мне, мол, было не до лебедушки;
А за той за матушкой Непрѡй-рекой
Стояла сила татарская, неверная,
Сорок тысячей татаровей поганных;
Шла же эта сила во Киев-град,
Мостила мосточки калиновы;
Они днем мосты мостят,
А матушка Непрѡй-река ночью повyroет;
Напустил я своего добра коня
На тую на силу на татарскую,
Побил всех татар поганных».
Солнышко Владимир стольно-киевской
Приказал своим слугам верным
Взять Сухмантя за белы руки,
Посадить молодца в глубок погреб;
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Непрѡй-реку
Проведать зѡработки Сухмантьевы.
Седлал Добрыня добра коня,
И поехал молодец во чисто поле.
Приезжает ко матушке Непры-реке
И видит Добрынюшка Никитинца:
Побита сила татарская:
И видит дубиночку-вязиночку
У тоя реки разбитую на лозиночки.

Привозит дубиночку в Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сам говорит таковы́ слово:
«Правдой звагта Сухман Одихмантьевич:
За той за матушкой Непро́й-рекой
Есть сила татарская побитая,
Сорок тысячей татаровей поганных;
И привез я дубиночку Сухмантьеву —
На лозиночки дубиночка облочкана».
Потянула дубина девяносто пуд.
Говорил Владимир стольно-киевской:
«Ай же слуги мои верные!
Скоро идите в глубо́к погреб,
Взимайте Сухмантя Одихмантьевича,
Приводите ко мне на ясны очи:
Буду его, молодца, жаловать-миловать
За его услугу за великую,
Городами его с пригоро́дками
Али селами со приселками,
Аль бессечной золотой казной до́ любви».
Приходят его слуги верные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорят таковы́ слова:
«Ай же ты Сухмантий Одихмантьевич!
Выходи со погреба глубокого:
Хочет тебя солнышко жаловать,
Хочет тебя солнышко миловать
За твою услугу великую».
Выходил Сухмантий с погреба глубокого,
Выходил на да́лече-да́лече чисто́ поле,
И говорил молодец таковы́ слова:
«Не умел меня солнышко миловать,
Не умел меня солнышко жаловать,
А теперь не видать меня во ясны очи!»
Выдергивал листочки маковые
Со тыих со ран со кровавых,
Сам Сухмантий приговаривал:
«Потеки, Сухман-река,
От моя от крови от горючня,
От горючня крови, от напрасныя!»

СВЯТОГОР И ТЯГИ ЗЕМНЫЕ

Парадился Святогор во чисто поле туляти,
Заседает своего добра коня
И едет по чисту полю.

Не с кем Святогору силой померяться,
А сила-то по жилочкам

Так живчиком и переливается.

Грузно от сидунки, как от тяжелого бремени.

Вот и говорит Святогор:

«Как бы я тяги нашел,

Так я бы всю землю поднял!»

Наезжает Святогор в степи

На маленькую сумочку переметную;

Берет погонилку, пощупает сумочку — она

не скрянется,

Двинет перстом ее — не сворохнется,

Хватит с коня рукою — не подымется.

«Много годов я по свету езживал,

А едакого чуда не наезживал,

Такого дива не видывал:

Маленькая сумочка переметная

Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»

Слезает Святогор с добра коня,

Ухватил он сумочку обема руками,

Поднял сумочку повыше колен:

И по колена Святогор в землю угрыз,

А по белу лицу не слезы, а кровь течет.

Где Святогор увяз, тут и встать не мог,

Тут ему было и кончение.

ВОЛЬГА

Закатилось красное солнышко
За лесушки за темные, за моря за широкие,
Рассаждалися звезды частые по светлѹ небу:
Порождался Вольгá сударь Буславлевич
На святой Руси.

И рос Вольгá Буславлевич до пяти годков.
Пошел Вольгá сударь Буславлевич по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
Звери в лесах разбежались,
Птицы по подоблачью разлетались,
И рыбы по синю морю разметались.
И пошел Вольгá сударь Буславлевич
Обучаться всяких хитростей-мудростей,
Всяких языков он разных.
Задался Вольгá сударь Буславлевич на семь год,
А прожил двенадцать лет,
Обучался хитростям-мудростям,
Всяких языков разных.
Собирал дружину себе добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
И тридцать богатырей без единого,
Сам становился тридцатым:
«Ай же вы дружина моя добрая, хоробрая!
Слушайте бóльшого брата атамана-то
И делайте дело повелѣное:
Вейте веревочки шелкóвые,
Становите веревочки по темнѹ лесу,
Становите веревочки по сырой земли,
А ловите вы кунниц, лисиц,
Диких зверей, черных соболей
И подкопучних белых зайчиков,
Белых зайчиков, малых горносталюшков,
И ловите по три дни, по трѣ ночи».

Слушали бóльшого братца атамана-то,
Делали дело повелёное:
Вили веревочки шелкóвые,
Становили веревочки по темнóу лесу, по сырой
 земли.

Ловили по три дни, по три ночи,
Не могли добыть ни одного зверька.
Повернулся Вольга сударь Буславлевич,
Повернулся он левым¹ зверем;
Поскочил по сырой земли, по темнѹ лесу,
Заворачивал куниц, лисиц
И диких зверей, черных соболей,
И белых поскакучиих заячков,
И малых горносталюшков.
И будут во граде во Кіеве
А со своею дружиною со доброю
И скажет Вольга сударь Буславлевич:
«Дружиннушка ты моя добрая, хоробрая!
Слушайте бѳльшого братца атамана-то
И делайте дело повелѳное:
А вейте силышка шелкѳвые,
Становите силышка на темный лес,
На темный лес, на самый верх,
Ловите гусей, лебедей, ясных соколей
А малую птицу-ту пташицу,
И ловите по три дни и по три ночи».
И слухали бѳльшого братца атамана-то,
А делали дело повелѳное:
А вили силышка шѳлковы,
Становили силышка на темный лес, на самый верх;
Ловили по три дни, по три ночи,
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга сударь Буславлевич наўй
птицей.

Полетел по подоблачью.
Заворачивал гусей, лебедей, 'ясных соколей
И малую птицу-ту пташицу.
И будут во городе во Киеве
Со своей дружинишкой со доброю,
Скажет Вольга сударь Буславлевич:
«Дружина моя добрая, хоробая!
Слушайте бóльшого брата атамана-то,

¹ ЛЬВОМ.

Делайте вы дело повелёное:
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте судёнышко дубовое,
Вяжите путевья шелкóвые,
Высзжайте вы на синё море,
Ловите рыбу семжинку да белужинку,
Щученьку, плотиченьку
И дорогу рыбку осётринку,
И ловите по три дни, по три ночи».
И слухали бóльшего братца атамана-то,
Делали дело повелёное:
Брали топоры дроворубные,
Строили судёнышко дубовое,
Вязали путевья шелкóвые,
Выезжали на синё море,
Ловили по три дни, по три ночи,
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольгá сударь Буславлевич рыбой
щучинкой

И побежал по синю морю.
Заворачивал рыбу семжинку, белужинку,
Щученьку, плотиченьку,
Дорогую рыбку осётринку.
И будут во граде во Киеве
Со своею дружиною со доброю,
И скажет Вольгá сударь Буславлевич:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Вы слушайте бóльшего братца атамана-то:
Кого бы нам послать во Турец землю,
Проведати про думу про царскую,
И что царь думы думает,
И думает ли ехать на святую Русь?
А старого послать — будет долго ждать;
Да среднего послать-то — вином запоят;
А малого послать —
Маленькой с девушками заиграется,
А со молодушками распотешится,
А со старыма старушками разговор держать,
И буде нам долго ждать.
А видно, будé Вольгé самому пойти!»
Повернулся Вольгá сударь Буславлевич
Малою птицею-пташицей,
Полетел он подóблачью.
И будет скоро во той земли Турецкою,

С рисунка Н. Билибина.

Будет у сантала у турецкого,
А у той палаты белокаменной,
Против самых окошечек,
И слухает он речи тайные.
Говорит царь со царицею:
«Ай же ты царица Пантáловна!

А ты знаешь ли про то, ведаешь?
На Руси-то трава растет не по-старому,
Цветы цветут не по-прежнему, —
А, видно, Вольги-то живого нет.
А поеду я на святую Русь,
Возьму я себе девять городов,
Подарю я девять сынов,
А тебе, царица Пантáловна,
Подарю я шубоньку дóрогу».
Проговорит царица Пантáловна:
«Ай же ты царь, Турец-сантал!
А я знаю про то, ведаю:
На Руси трава всё растет по-старому,
Цветы-то цветут всё по-прежнему.
А ночёсь спалось, во снах виделось:
Быв с-под восточныя с-под сторонущи
Налетала птица-малая пташица,
А с-под западней с-под сторонущи
Налетала птица чернóй ворон;
Слетались они во чистóм поле,
Промежду собой подиралися;
Малая птица-пташица
Черного ворона повыклевала,
И по перышку она повыщипала,
А на вéтер всё повыпускала.
То есть Вольгá сударь Буславлевич,
А что черной ворон — Турец-сантал».
Проговорит царь Турец-сантал:
«Ай же ты царица Пантáловна!
А я думаю скоро ехать на святую Русь,
Возьму я девять городов,
Подарю девять сынов,
Привезу тебе шубоньку дóрогу».
Говорит царица Пантáловна:
«А не взять тебе девяти городов,
И не подарить тебе девяти сынов,
И не привезти тебе шубоньки дóрогой!»
Проговорит царь Турец-сантал:
«Ах ты старый чорт!
Сама спала, себе сон видела!»
И ударит он по белú лицу,
И повёрнется — по дрúгому,
И кинет царицу о кирпичен пол,
И кинет ю второй-то раз:

«А поеду я на святую Русь,
Возьму я девять городов,
Подарю девять сынов,
Привезу себе шубоньку дорогу!»
А повернулся Вольга сударь Буславлевич,
Повернулся серым волком,
И поскачил-то он на конюшен двор,
Добрых коней тех всех перебрал,
Глотки-то у всех у них перервал.
А повернулся Вольга сударь Буславлевич
Малым торносталюшком,
Поскачил во горницу оружейную,
Тугие луки переломал,
И шелковые тетивочки перервал,
И каленые стрелы все повыломал,
Вострые сабли повыщербил,
Палицы булатные дугой согнул.
Тут Вольга сударь Буславлевич,
Повернулся Вольга сударь Буславлевич
Малою птицею-пташицей
И будет скоро во граде во Киеве,
И повернулся он добрым молодцом,
И будет он с своею со дружиною со доброю:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Пойдемте мы во Турец-землю».
И пошли они во Турец-землю
И силу турецкую во полон брали.
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Станемте теперь полону поделывать!»
Что было на делу дорого,
Что было на делу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружие булатное по шести рублей.
Вострые сабли по пяти рублей,
Палицы булатные по три рубля.
А то было на делу дешево — женский пол:
Старушечки были по полущечке,
А молодущечки по две полущечки,
А красные девушки по денежке.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Похотелось Вольге много мудрости: !
Щукой-рыбою ходить ему в глубьких морях,
Птицей-соколом летать ему под облака,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за облака,
Ускакали все звери во темные леса.
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинишку хорообрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темнокарих,
Темнокарих жеребчиков нелёгченных.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.
Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешники по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешники по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,

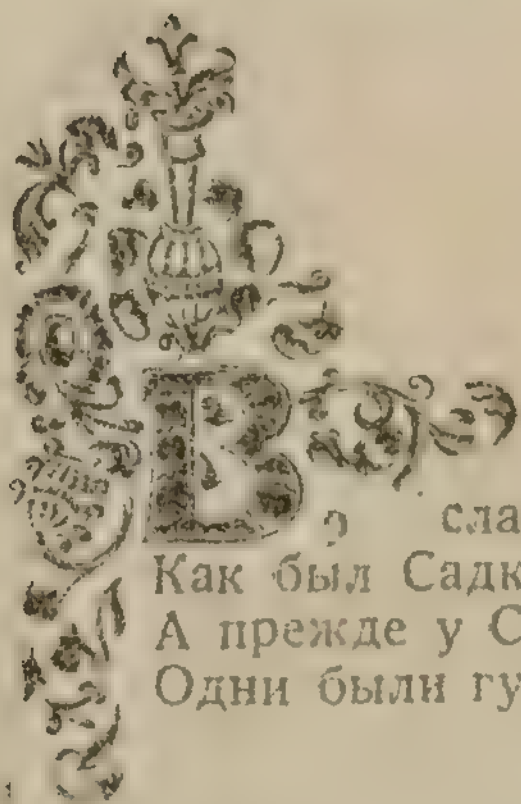
А третій день еще до па́бедья,
А наехали въ чистом поле оратая.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздки он да пометывает,
А пеньё-коренья вывертывает,
А большие-то каменя в борозду валит.
У оратая кобыла солóвая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатнии,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что же скачен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза — да ясна сокола,
А брови у него — да чёрна соболя.
У оратая сапожки — зелён сафьян:
Вот шилом пяты, носы остры,
Вот под пята-пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него да чёрна бархата.
Говорит-то Вольга таковы слова:
«Божья помощь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать да пахать, да крестьяновати,
А бороздки тебе да помётывать,
А пенья-коренья вывертывать,
А большие-то каменя в борозду валить!»
Говорит оратай таковы слова:
«Поди-ко ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надо мне божья помощь крестьяновати.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?»
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Как показовал меня да родной дядюшка,
Родной дядюшка да крестной батюшка,
Ласковой Владимир стольно-киевской,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцевцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем;
Теперь еду к городам да за получкою». !
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да все разбойнички,

Они подрубят-то сляги калиновы
Да потопят ты в реку да во Смородину!
Я недавно был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по́ сту пуд,
А сам я сидел-то сорок пуд,
А тут стали мужички с меня грошов просить.
Я им стал-то ведь грошов делить,
А грошов-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь да больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить,
Положил тут их я ведь до́ тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лёжа лежит».
Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
«Ай же ты оратай-орáтаюшко!
Ты поедem-ко со мною во товарищах?»
А тут ли оратай-орáтаюшко
Гужи́ки шелко́вые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул,
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстиляется,
А грива́-то у нее да завивается,
У ората́я кобыла ступою пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У ората́я кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да оста́вается.
Говорит оратай таковы слова:
«Я оставил сошку во бороздечке
Не для ради прохожего-проезжего:
Маломожный-то наедет — взять нечего,
А богатый-тот наедет, не позáрится,
А для ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст».
Тут ведь Вольга́ Святославович
Посылает он дружинишку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинишка хоробрая,

Пять молодцов да ведь могучних,
К той ли ко сошке кленовенькой;
Они сошку за обóри вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут мóлодой Вольгá Святославович
Посылает он дружинишку хоробрую
Целым он да ведь десяточком.
Они сошку за обóри вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
И тут ведь Вольгá Святославович
Посылает всю свою дружинишку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обóри вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут оратай-орáтаюшко
На своей ли кобыле солóвенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А гривá-то у нее да завивается,
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь ведь поскакивает,
У оратая кобыла трудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Тут Вольгá стал да он покрикивать,
Копяком он стал да ведь помахивать:
«Ты постой-ко ведь, оратай-орáтаюшко!
Как бы эга кобыла конькóм бы была,
За эту кобылу пятьсóт бы дали».
Тут прогóворил оратай-орáтаюшко:
«Ай же глупый ты, Вольгá Святославович!
Я купил эту кобылу жеребёночком,

Жеребёночком, да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Как бы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы!»
Тут проговорил Вольга Святославович.
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отчеству?»
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
— Молодой Микула Селянинович!»
Тут приехали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати;
Стали города рассматривати,
А ребята-то стали поговаривати:
«Как этот третьего дни был, да мужичков он бил!»
А мужички-то стали собираться,
Собираться они да думу думати;
Как бы притти да извиниться,
А им низко бы да поклониться.
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Ай же ты Микула Селянинович!
Я жалую от себя тремя городами со крестьянами.
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ко ты дань да ведь грошовую!»

САДКО

Блаженным в Нове-граде
Как был Садко купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;

По пирам ходил-играл Садко.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садко соскучился:
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перёнался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садко соскучился:
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перёнался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садко соскучился:
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильменя со озера,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты Садко новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехы за великие,
За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то стулай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золоты перья.

Как ударишь о велик заклад,
И пойдя, свяжи шелковой невод,
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь». —
Пошел Садко от Ильменя от озера.
Как приходил Садко во свой во Новгород,
Позвали Садко на почестен пир.
Как тут Садко новгородский
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садка попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садко стал похвастьявать:
«Ай же вы купцы новгородские!
Как знаю чудо чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба — золоты перья в Ильмень-озере». —
Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы — золоты
перья». —

«Ай же вы купцы новгородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного». —
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного.
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро:
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко всё по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,

На небе звезды — и в палатах звезды.
Потом Садко купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Иный хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодечеством,
Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новгородские:
«Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садко ничем не похвастает,
Что у нас Садко ничем не похваляется?»
Говорит Садко купец, богатый гость:
«А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется?
А похвастать — не похвастать бессчетной золотой
казной:

На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!»
Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повысить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле
не было.

Стал Садко на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,

Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостинный ряд;
Как повыкупил товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.
На другой день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостинный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.
На третий день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостинный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров, принаполнено, —
Подоспели товары московские
На тую на великую на славу новгородскую.
Как тут Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Еще повыкуплю товары московские —
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский, —
Побогаче меня славный Новгород».
Отдавал он настоятелям новгородским
Денежек он тридцать тысячей.
На свою бессчетну золоту казну
Построил Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленых;
На ты, на корабли на черленые
Свалил товары новгородские.
Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во синее море.
Как поехал он по синю морю,

Воротил он в Золоту Орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие.
Насыпал бочки-сорокоуки красна золота, чиста
серебра,

Поезжал назад во Новгород:
Поезжал он по синю морю.
На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синем море.
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море.
Говорит Садко купец, богатый гость,
Ко своей дружины ко хоробрыя:
«Ай же ты дружинишка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во синем море.
Ай же братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,
Спускайте бочку во синем море».
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во синем море.
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море.
Тут его дружина хоробрая
Брала бочку-сороковку красна золота,
Спускали бочку во синем море.
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли все нейдут с места на синем море.
Говорит Садко купец, богатый гость:
«Видно, царь морской требует
Живой головы во синем море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на синем море:
Чей жеребей ко дну пойдет,
Таковому итти в синем море».
Делали жеребья вольжаны,

А сам Садко делал на красном на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море.
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка купца — ключом на дно.
Говорит Садко купец, богатый гость:
«Ай же братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребей вольжаныи».
Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садко делал жеребей вольжаныи,
Всяк свое имя подписывал;
Спускали жеребья на сине море.
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка купца — ключом на дно.

Говорит Садко купец, богатый гость:
«Ай же братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый».
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.
Он стал именьице отписывать:
Кое именье отписывал божьим церквам,
Иное именье — нищей братии,
Иное именье — молодой жене,
Остатнее именье — дружины хоробрыя.
Говорил Садко купец, богатый гость:
«Ай же братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты.
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?»
Взимает он гуселки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свялюсь на доску дубовую,
Не толь мне страшно принять смерть на синем
море».

Свалили дощечку дубовую на́ воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как черные вóроны.
Остался Садко на синем море.
Со тоя со страсти со великия
Заснул на дощечке на дубовой.
Проснулся Садко во синем море,
Во синем море, на самом дне.
Сквозь воду увидел лекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садко — во синем море !
Стоит палата белокаменная.
Заходил Садко в палату белокаменну:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя, как куча сѣнная.
Говорит царь таковы слова:
«Ай же ты Садко купец, богатый гость!
Век ты, Садко, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты.
Поиграй же мне в гуселки яровчаты».
Как начал играть Садко в гуселки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Как расплясался царь морской...
Играл Садко сутки, играл и другие,
Да играл ещё Садко и третьи,
А всё пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со желтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гинуть именьецев,
Стало много тонуть людей праведных;
Как стал народ молиться Миколы Можайскому...
Как тронуло Садка в плечо во правое:
«Ай же ты Садко новгородский!
Полно играть в гусельники яровчаты!»
Обернулся, глядит Садко новгородский:
Ажно стоит старик седатый.
Говорил Садко новгородский:
«У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты».
Говорит старик таковы слова:
«А ты струночки повырывай,

А ты шпенечки повыломай,
 Скажи: — У меня струнчек не случилось,
 А шпенечков не пригодилось,
 Не во что больше играть:
 Приломались гуселки яровчаты. —
 Скажет тебе царь морской:
 — Не хочешь ли жениться во синем море
 На душечке на красная девушке? —
 Говори ему таковы слова:
 — У меня воля не своя во синем море. —
 Опять скажет царь морской:
 — Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
 Выбирай себе девицу-красавицу. —
 Как станешь выбирать девицу-красавицу,
 Так перво́ триста девиц пропусти,
 И друго́ триста девиц пропусти,
 И третье́ триста девиц пропусти,
 Позади идет девица-красавица,
 Красавица-девица Чернавушка,
 Бери ту Чернаву за себя замуж.
 Будешь, Садко, во Нове́-граде́,
 А на свою бессчетну золоту казну
 Построй церковь соборную Миколы Можайскому». —
 Садко струночки во гуселках повыдернул,
 Шпенечки во яровчатых повыломал.
 Говорит ему царь морской:
 «Ай же ты Садко новгородский!
 Что же не играешь в гуселки яровчаты?» —
 «У меня струночки во гуселках выдернулись,
 А шпенечки во яровчатых повыломались,
 А струнчек запасных не случилось,
 А шпенечков не пригодилось».
 Говорит царь таковы слова:
 «Не хочешь ли жениться во синем море
 На душечке на красная девушке?»
 Говорит ему Садко новгородский:
 «У меня воля не своя во синем море».
 Опять говорит царь морской:
 «Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
 Выбирай себе девицу-красавицу».
 Вставал Садко поутру ранешенько,
 Поглядит — идет триста девушек красных;
 Он перво́ триста девиц пропустил,
 И друго́ триста девиц пропустил,

И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица-девица Чернавушка:
Брал тую Чернаву за себя зámуж.
Как прошел у них столованье почестен пир,
Как ложился спать Садко во перву ночь.
Как проснулся Садко во Новé-градé,
О реку Чернаву на крутом кряжy;
Как поглядит, ажно бежат
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминает жена Садка со дружиной во синем море:
«Не бывать Садку со синя моря!»
А дружина поминает одного Садка:
«Остался Садко во синем море!»
А Садко стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружиниушку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
«Остался Садко во синем море,
Очутился впереди нас во Новé-градé,
Встречает дружину со Волхова!»
Встретил Садко дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала в уста во сахарные.
Начал Садко выгружать со черленых со кораблей
Именьице — бессчетну золоту казну.
Как повыгрузил со черленых кораблей,
Состроил церкву соборную Миколы Можайскому.
Не стал больше ездить Садко на сине море,
Стал поживать Садко во Новé-градé.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

В славном великом Нове-граде
А и жил Буслай до девяноста лет;
С Новым-городом жил, не перечеился,
Со мужики новгородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи Буслай состарелся,
Состарелся и переставился.
После его веку долгого
Оставалось его житье-бытье
И всё имение дворянское;
Осталась матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна,
И оставалось чадо милое,
Молодой сын Василий Буслаевич.
Будет Васенька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте:
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать:
Письмо Василию в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному:
Петье Василию в наук пошло.
А и нет у нас такого певца
Во славном Нове-городе
Супротив Василья Буслаева!
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, с безумницы,
С веселыми, удалыми добрыми молодцы,
Допьяна уж стал напиватися.
А и ходя в городе уродует:
Которого возьмет он за руку —
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу —

То из гузна ногу выломит;
Которого хватит поперек хребта —
Тот кричит, ревет, окорачь ползет
Пошла-то жалоба великая:
А и мужики новгородские,
Посадские богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне
На того на Василья Буслаева.
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на ум учить.
Журьба Ваське не взлюбилася,
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчатой стул,
Писал ярлыки скорописчаты,
От мудрости слово поставлено:
«Кто хочет пить и есть из готового,
Валися к Ваське на широкой двор,
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное».
Рассылал те ярлыки со слугой своим
На те улицы широкие
И на те частые переулочки.
В то же время поставил Васька чан среди двора,
Наливал чан полон зеленá вина,
Опускал он чару в полтора ведра.
Во славном было во Нове-граде —
Грамотные люди шли,
Прочитали те ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Ваське на широкой двор
К тому чану зеленú вину.
В начале был Костя Новоторженин,
Пришел он, Костя, на широкой двор.
Василий тут его опробовал,
Стал его бити червленым вязом —
В половине было налито
Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд;
А бьет он Костю по буйной голове,
Стоит тот Костя — не шевельнется,
И на буйной голове кудри не тряхнутся.
Говорил Василий сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин!
А и будь ты мне названой брат

И паче мне брата родимого».
А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкой двор.
Молодой Василий сын Буслаевич
Тем молодцам стал радощен и веселёшенек.
Пришли тут мужики Залешена:
И не смел Василий показаться к ним.
Еще тут пришло семь братьев Сбродовичи.
Собралися, сходилися
Тридцать молодцов без единого,
Он сам, Василий, тридцатой стал;
Какой зайдет — убьют его, !
Убьют его, за ворота бросят.
Послышал Васенька Буслаевич:
У мужиков новгородских
Канун варен, пива ячные;
Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братчину в Никольщину:
«Не малу мы тебе сыпь платим —
За всякого брата по пяти рублей».
А за себя Василий дает пятьдесят рублей.
А и тот-то староста церковной
Принимал их во братчину в Никольщину;
А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячные.
Молодой Василий сын Буслаевич
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они туто зеленá вина
И пришли во братчину в Никольщину.
А и будет день ко вечеру,
От малого до старого
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От тое борьбы от ребячия,
От того бою от кулачного
Началася драка великая;
Молодой Василий стал драку разнимать.
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху оплел;
А и тут Василий закричал громким голосом:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин,

И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже, Ваську, меня бьют».
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали;
Кричат, режут мужики посадские.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новгородские!
Бьюсь с вами о велик заклад:
Напускаюсь я на весь Новгород
Битися, драться
Со всею дружиною хораброю;
Тако вы меня с дружиною побьете
Новым-городом —
Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,
На всякой год по три тысячи;
А буде же я вас побью
И вы мне покоритесь —
То вам платить мне такову же дань».
И в том-то договоре руки они подписали.
Началась у них драка-бой великая:
А мужики новгородские
И все купцы богатые,
Все они вместе сходились,
На млада Васютку напускалися,
И дерутся они день до вечера;
Молодой Василий сын Буслаевич
Со своею дружиною хораброю
Прибили они во Нове-городе,
Прибили уже много до смерти;
А и мужики новгородские догадалися,
Пошли они с дорогими подарки
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне:
«Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Прими у нас дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое!
Василья Буслаевича».
Матера вдова Амелфа Тимофеевна
Принимала у них дороги подарочки,
Посылала девушку-чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибежала девушка-чернавушка,

Сохватала Ваську во белы́ руки,
Потащи́ла к матушке родимы́я,
Притащи́ла Ваську на широкой двор.
А и та старуха неразмы́шлена —
Посади́ла в погреба́ глубокие
Молода́ Васи́лья Буслаева,
Затворя́ла дверьми́ желе́зными,
Запи́рала замки́ булатными.
А его́ дружина́ хорабра́я
Со теми́ мужики́ новгородскими
Дерутся, бьются́ день до вечера;
А и та-то девушка-чернавушка
На Волх-реку́ ходила́ по́ воду,
А взмоля́тся ей тут добры́ мо́лодцы:
«Гой еси́ ты, девушка-чернавушка!
Не подай нас у дела́ у ратного,
У того́ часу́ смертного».
И тут девушка-чернавушка
Бросала́ она ведро́ клено́вое,
Брала́ коромы́сло кипарисово,
Коромы́слом тем стала́ она помахивати́
По тем мужика́м новгородским,
Приби́ла уже́ много до́ смерти;
И тут девка́ запыхалася,
Побежала́ ко Васи́лью Буслаеву,
Срывала́ замки́ булатные,
Отворя́ла двери́ желе́зные:
«А и спи́шь ли, Васи́лий, или́ так лежи́шь?
Твою́ дру́жину хора́бую
Мужики́ новгородские
Всех приби́ли, перерани́ли,
Булава́ми буйны́ головы́ пробиваны́».
Ото сна Васи́лий пробужда́ется,
Он выскочи́л на широкой двор.
Не попада́ла пали́ца желе́зная,
Что попада́ла ему́ ось теле́жная, —
Побежал Васи́лий по Нову-городу,
По тем по широ́ким улица́м.
Стоит тут старе́ц Пили́гримище,
На могучи́х плеча́х держи́т колокол,
А весом тот колокол во́ триста пуд;
Кричи́т тот старе́ц Пили́гримище:
«А сто́й ты, Васька, не по́порхивай,
Молодой́ глазды́рь, не полеты́вай!

Из Волхова воды не выпити,
Во Новёграде людей не выбити:
Есть молодцов супротив тебя,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем».
Говорил Василий таково слово:
«А и гой еси, старец Пилигримище!
А и бился я о велик заклад
Со мужики новгородскими,
Опричь почестного монастыря,
Опричь тебя, старца Пилигримища.
Во задор войду — тебя убью».
Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною,
Качается старец, не шевельнется;
Заглянул он, Василий, старца под колоколом, —
А и во лбе глаз — уж веку нету.
Пошел Василий по Волх-реке.
А идет Василий по Волх-реке,
По той Волховой по улице;
Завидели добрые молодцы,
А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева, —
У ясных соколов крылья отросли,
У них-то, молодцов, думушки прибыло:
Молодой Василий Буслаевич
Пришел-то молодцам на выручку;
Со теми мужики новгородскими
Он дерется, бьется день до вечера.
А уж мужики покорилися,
Покорилися, помирилися:
Понесли юни записи крепкие
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне,
Насыпали чашу чистого сѣребра,
А другую чашу красного золота.
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, поклоняются:
«Осударыня матушка!
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой год по три тысячи,
На всякой год будем тебе носить:
С хлебников по хлебику,

С калачников по калачику,
С молодиц повенечное,
С девиц повалечное,
Со всех людей со ремесленных,
Опричь попов и дьяконов».
Втапору матера вдова
Амелфа Тимофеевна
Посылала девушку-чернавушку
Привести Василья со дружиною.
Пошла та девушка-чернавушка;
Бежавши, та девка запыхалася,
Нельзя пройти девке по улице:
Что полтеи по улице валяются
Тех мужиков новгородских.
Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватила Василья за белы руки
А стала ему рассказывать:
«Мужики пришли новгородские,
Принесли они дороги подарочки
И принесли записи заручные
Ко твоей сударыне матушке,
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне».
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкий двор,
Привела-то их к зелену вину.
А сели они, молодцы, во единый круг,
Выпили ведь по чарочке зеленá вина,
Со того уразу молодецкого
От мужиков новгородских;
Вскричат тут ребята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уедено,
В красне хорошо не ухожено,
А цветного платья не уношено,
А увечье на век залезсно».
И повел их Василий обедати
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Втапору мужики новгородские
Приносили Василью подарочки —
Вдруг сто тысячей,
И затем у них мировá пошла:
А и мужики новгородские
Покорилися и сами поклонилися.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ
МОЛИТЬСЯ ЕЗДИЛ

П

од славным, великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает-поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает:
А плавает-поплавает червлен корабль
Как бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья со его дружиною хораброю,
Тридцать уда́лых мо́лодцов:
Костя Никитин корму́ держит,
Маленькой Потаня на носу стоит,
А Василий-то по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Свет моя дружина хорабрая,
Тридцать удалых добрых мо́лодцов!
Ставьте корабль попе́рек Ильменя,
Приставайте, мо́лодцы, ко Нову-городу».
А и тычками ко берегу притыкались,
Сходни бросали на крутой бережок.
Походил тут Василий ко своему он двору
дворянскому,
И за ним идет дружиனுшка хорабрая,
Только караулы оставили.
Приходит Василий Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне-матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Как вьюн около ее увивается,
Просит благословение великое:
«А свет ты моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое:
Итти мне, Василью, в Ерусáлим-град
Со всею дружиною хораброю,
Мне-ко господу помолитися,

Святой святыне приложитися,
Во Ердане-реке искупатися».
Что взгóворит матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василий Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрые дела,
Тебе дам благословенне великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословения великого,
А и не носи Василья сыра земля».
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружие долгомерное:
«Побереги ты, Василий, буйну голову свою».
Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по озеру Ильмену.
Бегут они уж сутки, другие,
А бегут уже неделю, другую, —
Встречу им гости-корабельщики:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Куда, молодец, поизволил погулять?»
Отвечает Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, гости-корабельщики!
А мое-то ведь гулянье не охотное:
Смолоду бито много, граблено,
Под старость надо душá спасти.
А скажите вы, молодцы, мне прямого путя
Ко святому граду Иерусáлиму».
Отвечают ему гости-корабельщики:
«А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямým путем в Иерусáлим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой — полтора года.
На славном море Каспийским,
На том острову Куминским
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачие:

С картины В. Васнецова.

Не много, не мало их — три тысячи;
Грабят бусы, галеры,
Разбивают червлёны корабли».
Говорит тут Василий Буслаевич:
«А не верую я, Васенька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червлёный вяз.
А бегите-ко, ребята, вы прямым путем».
И завидел Василий гору высокую,
Пристагал скоро ко круту берегу;
Походил Василий сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летит дружина хорабрая.
Будет Василий в полугоре,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова, человечья кость.
Пиул Василий тою голову с дороги прочь;
Провёщится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василий Буславьевич!
Ты к чему меня, голову, побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был;
Умею я, молодец, валяться;
А на той горе Сорочинския,

Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой».
Плюнул Василий, прочь пошел:
«Али, голова, в тебе враг говорит,
Или нечистой дух».
Пошел на гору высокую —
На самой сопке тут камень стоит.
В вышину — три сажени печатные,
А и через его только топор подать,
В долину — три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
«А кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться, забавляться,
Вдоль скакать по камню,
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует,
Приходил со дружиною хораброю.
Стали молодцы забавляться,
Поперек того камню поскакивати,
А вдоль-то его не смеют скакать.
Пошли со горы Сорочинския.
Сходят они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспийскому
На ту на заставу корабельную,
Где-то стоят казаки-разбойники,
А стары атаманы казачие;
На пристани их стоят сто человек.
А и молодой Василий на пристань стал,
Сходни бросали на крут бережок.
И скочил-то Буслай на крут бережок,
Червленным вязом подпирается.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испугались,
Много его не дожидаются,
Побежали с пристани корабельныя
К тем атаманам казачиим.
Атаманы сидят, не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стойм мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великого.
Это-де идет Василий Буславьевич:
Знать-де полетка соколиная,

Видеть-де поступка молодецкая». Пошагал-то Василий со дружиною, Где стоят атаманы казачие. Пришли они, стали во единой круг. Тут Василий им поклоняется, Сам говорит таково слово: «Здравствуйте, атаманы казачие! А скажите вы мне прямого путя Ко святому граду Иерусалиму». Говорят атаманы казачие: «Гой еси, Василий Буслаевич! Милости тебя просим за единой стол хлеба кушати».

Втапору Василий не ослушался, Садился с ними за единой стол; Наливали ему чару зеленá вина в полтора ведра; Принимает Василий единой рукой И выпил чару единым духом; И только атаманы тому дивуются, А сами не могут и по полуведру пить. И хлеба с солью откушали, Сбирается Василий Буслаевич На свой червлен корабль. Дают ему атаманы казачие подарки свои: Первую мису чиста сѣребра, И другую — красна золота, Третью — скатного жемчуга; За то Василий благодарит и кланяется, Просит у них до Ерусалима провожатого. Тут атаманы Василью не отказывали, Дали ему молодца провожатого И сами с ним прощались. Собрался Василий на свой червлен корабль Со своею дружиною хораброю. Подымали тонки пáрусы полóтняные, Побежали по морю Каспийскому. Будут они во Ердань-реке, Бросали якоря крепкие, Сходни бросали на крут бережок. Походил тут Василий Буслаевич Со своею дружиною хораброю В Иерусалим-град. Пришел во церкву соборную, Служил обедни за здравие матушки

И за себя, Василья Буславьевича;
И обедню с панихидой служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему;
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцов,
Что смолоду бито много, граблено;
И ко святой святыне приложился он,
И в Ердане-реке искупался;
И расплатился Василий с попами и с дьяконами;
И которые старцы при церкви живут,
Дает золотой казны не считаячи.
И походит Василий ко дружине
Из Ерусалима на свой червлен корабль;
Втапору его дружина хорабрая
Купались во Ердане-реке;
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь в Ердань-реке?
А некому купатися, опричь Василья Буславьевича:
Во Ердане-реке крестился сам господь Иисус
Христос,

Потерять его вам будет, бóльшого
Атамана Василья Буслаевича».
И они говорят таково слово:
«Наш Василий тому не верует ни в сон, ни в чок».
И мало время поизбѣдучи,
Пришел Василий ко дружине своей,
Приказал выводить корабль
Из устья Ердань-реки;
Подняли тонки пѣрусы полѣтняны,
Побежали по морю Каспийскому,
Приставали у острова Куминского.
Приходили тут атаманы казачие,
И стоят все на пристани корабельныя;
А и выскочил Василий Буслаевич
Из своего червленого корабля,
Поклонились ему атаманы казачие:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Здорово ли съездил в Ерусалим-град?»
Много Василий не баит с ними,
Подад письмо в руку им,
Что много труда за их положил,
Служил обедни с молебнами за их, молодцов.

атапоры атаманы казачие
Звали Василья обедати,
И он не пошел к ним;
Прощался со всеми теми атаманы казачими,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспийскому к Нову городу.
А и едут неделю спóряду,
А едут уже дрúгую,
И завидел Василий гору высокую Сорочинскую.
Захотелось Василью на горе побывать,
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору.
Пошел Василий со дружиною,
И будет он в полгоры,
И на пути лежит пуста голова, человечья кость.
Пнул Василий тое голову с дороги прочь;
Провéщится пуста голова:
«Гой еси ты, Василий Буслаевич!
К чему меня, голову, попинываешь
И к чему побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Да умею валяться на той горе Сорочинския.
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове».
Плюнул Василий, прочь пошел.
Взошел на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокой камень,
В вышину — три сажени печатные,
В долину — три аршина с четвертью;
И через него только топором подать,
И в том-то подпись подписана:
«А и кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться, забавляться,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует:
Стал со дружиною тешиться и забавляться,
Поперек каменю поскакивати;
Захотелось Василью вдоль скакать:
Разбежался, скочил вдоль по каменю,
И не доскочил только четверти,
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,

Там Василья схорóнили.
Побежала дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен корабль,
Подымали тонки пáрусы полóтняные,
Побежали ко Нову-городу,
И будут у Нова-города.
Бросали с носу якорь и с кормы — другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он.
Пошли к матерой вдове к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонилися,
Все письмо в руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, уда́лы добры мо́лодцы!
У меня ныне вам делать нечего;
Подите в подвалы глубокие,
Берите золотой казны не считаючи».
Повела их девушка-чернавушка
К тем подвалам глубоким,
Брали они казны по малу́ числу;
Пришли они к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
«Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила, кормила, обувала и одевала добрых
мо́лодцов».

Вта́поры матера вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зеленá вина;
Подносит девушка-чернавушка
Тем уда́лым добрым мо́лодцам;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры мо́лодцы,
Кому куда захотелось.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

(Гильфердинг, № 74)¹

Карачирова (Карачарова) — село, в котором, по былинам, родился Илья Муромец.

Силушка, сила — войско.

Пехотою — пешком.

Замуравела — заросла травой-муравой.

Покляная — понурая, с обвисшими ветвями

Корзни — корни.

Волчья сыть — волчья еда, падаль.

Розрывчатый — упругий, крепкий.

Со косицею — с бровью.

Окошечко косевчато — обшитое досками (косяками).

На пяту — настежь.

Подколенные — младшие, из того же колена (рода).

Подлыгасьясь — лжешь.

Околенки — резные украшения на оконницах.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

(Рыбников, № 6)

Стольный — столичный.

«Чтобы мог он с Идолищем поправиться» — сразиться.

Ужаснулся — ужаснулся.

Палица — дубинка.

Каличище (калика) — странник.

Клюха (клюка) — палка, костыль.

Здынул — поднял.

Заворыдал — зарыдал.

«Пролетел он на вонную сторону» — в противоположную сторону.

Наполам — пополам.

¹ В скобках указывается фамилия составителя научного сборника, откуда взят текст быliny, и номер ее по сборнику. Подробное наименование научных сборников см. в конце книги («Указатель источников»).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

(Кириша Данилов, № 25)

Могозья — название столицы Золотой орды (в народной поэзии).
«Со своею силою с поганою» — со своим войском.
Непр — Днепр.
Ременчат стул — с сиденьем, плетеным из ремней.
Ярлыки скорописчаты — письма, указы.
«В полон полонит» — в плен возьмет.
«На дым пустит» — спалит, сожжет.
Гридня — комната, покой.
Втаноры — тогда, в ту пору.
Баинка стрельная — с которой стреляют по наступающему врагу.
Розрывчатый — упругий, крепкий.
«Калему стрелу» — крепкую, закаленную в огне.
«Трубки немецкие» — подозрительные трубы.
«За беду стало» — досадно, обидно показалось.
Не утущили — не успокоили.
Заарезили — сотворили, сделали.
Поленица удалая — богатырь, витязь.
Бьет челом — кланяется.
Миса — миска.
Скатный жемчуг — крупный, ровный.
Обедни с панафидами — обедни с панихидами (церковные службы).
Чембуры — конские поводья.
«Скочил с полдрага стоячего» — подскочил до середины дерева.
«Согнет его корчагою» — скорчит, ломает.
Воздымал — поднимал.
Кружало Петровское — питейный дом, кабак.

ИЛЬЯ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

(Гильфердинг, № 47)

Задержул — собрал, устроил.
«Стало похабно есть» — показалось обидным, унижительным.
Разретивился — рассердился, рассвирепел.
Доброхоты — доброжелатели, сторонники.
Нунь — нынче, теперь.
Быват — может быть, наверно.
Пописи — договоры.
Большой угол — почетное место в жилище.
«А несли эту чару рядом к нему» — по порядку.

ДОВРЫНЯ И ЗМЕЙ

(Гильфердинг, № 5)

Полон русский — русские пленники.
Ложинушка — лужница.
«Цело сожру» — целиком.
Поправиться — сразиться.

«Сбился на змею» — утесился, взобрался, вскочил.
Пороспастать — разрезать на части.
Кувиль — ковыль.
«Можь ли ты» — можешь ли ты.
На сем свете — на этом свете.
«Утопил же очи ясные» — потупил, опустил.
Кирпичен мост — пол.
Стретае — встречает.
Прибыточен — удачен, счастлив.
Бурко — конь.
Назем — навоз.
Призиронцы — увязли.
Одер — постель.
Кладывас — накладывает.
На поезде — при выезде, при отъезде.
Шамахинская — восточной выделки.
«Видли тут Добрынюшку да сядучи» — видели, как садился.
Подточили — подгрызли.
Нунечку — теперь.
Не прижре — не впитывает, не поглощает.
Стегено — колено.
Копье буржамецков — из восточной стали.
«Я есть роду христианского» — крестьянского.
Ископыт — след, углубление от копыта.

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

(Кирша Данилов, № 20)

«Изволил Алеша опочив держать» — лег спать, заснул.
Стрекожиши — странжия, связав коню три ноги.
Ширинка — полотенце.
Калика перехожая — странник.
Шеленуга — костыль, палка.
Свинок чебурацкий — здесь в смысле: тяжелый.
Хайло — пасть, глотка.
Чингалище — кинжал.
Сверстался — поровнялся.
«Постигает их» — догоняет их.
Чободан — чемодан.
Светлы еридни — покой, комнаты.
Бьют челом — кланяются.
Осударь — государь.
Прлатный брус — полати.
«Рушала княгиня лебедь белую» — разрезала на куски.
Непр — Днепр.
Владыко черниговский — митрополит (один из высших духовных чинов).
Зычный — громкий.
«А за тобою ноне силы смети нет» — то есть войска много, счегу нет.
«Тут для Алеши и стол пошел» — начался пир.
«Час ты мне свет дал» — освободил, дал свободу.
«До любви тебя пожелаю» — сколько пожелаешь.

СУХМАН

(Рыбняков, № 149)

«Кудерками потряхивает» — кудрями потряхивает.
 «Али чара ти шла не рядобная» — или чара тебе шла не по ряду, не по старшинству.
 Заводь — залив, заросший тростником.
 Непра — Днепр.
 Крякновистый — кряжистый, матерой.
 С комя — снизу, у корня.
 Лозиночки — прутики (здесь: мелкие щепочки, кусочки).
 Облочкаий — обшита, расщеплена.
 До люби — сколько пожелает.

СВЯТОГОР И ТЯГИ ЗЕМНЫЕ

(Рыбняков, № 86)

Тяги — здесь в смысле: за что ухватиться, потянуть.
 Пережметная — перекидываемая через седло.
 Не скрянется — не сдвинется, не стронется.
 Обама — обеими, двумя руками.

ВОЛЬГА

(Гильфердинг, № 91)

Подкопучних белых зайчков — воскакучих.
 «Заворачивал кунци, лисиц» — загонял, ловил.
 Силника шелкового — силки.
 Науд — сказочная птица.
 Путевья — путы (перевочная сеть).
 Сантал — султан.
 Ночесь — прошлой ночью, в минувшую ночь.
 «И повернется — по другому» — в другой раз, еще раз.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

(Гильфердинг, № 156)

Растеть-мистереть — расти, становиться матерым, возмужалым.
 «Поехали к сорокам да за получкою» — собирать оброк, дань.
 Оратай — пахарь.
 Орет — пахнет.
 Омешки — сошники.
 Победье — время около обеда, полдень.
 «Шилом пяты» — острые.
 Сляги — сляги, бревна.
 Мех — кожаный мешок.
 «Ступою пошла» — то есть шагом.
 «Грудью пошла» — вперед.
 Маломожный — бедный, немощный.
 Не позерится — не пожадничает, не накинется.
 Наместник — временно заступающий чье-нибудь место, должность.
 «Получай-ка те даян да ишь грошанро» — то есть грошами (деньгами).

Гость — купец, приехавший из другого города, из другой страны.

Перебался — испугался.

Вырывать — требовать, выговаривать.

Красный товар — дорогие ткани.

Повыкинулись — вызвались.

«Закинули току» — то есть один залов рыбы, одну тягу невода.

Черленый — багряный, ярко-малинового цвета.

Бочки-сороковки — в сорок ведер вместимостью.

Жеребья — условные знаки для разрешения какого-либо спора.

Вальжаний — из дерева таволги (ивняка).

Гоголь — птица из породы уток-нырков.

Вальжная — чеканная.

Гинуть — гибнуть, погибать.

Не пригодилось — не нашлось.

На крутом кряжу — на уступе, на обрыве берега.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

(Кирша Данилов, № 10)

Не перёчился — не спорил, не ссорился.

Персставился — умер.

Петьё — пенне.

«Окорачь ползет» — на корточках, на четвереньках.

Чебурацкого — от «чебурак»: груз, тяжесть.

«Канун варен» — пиво, сваренное к празднику, накануне праздника.

Ячмный — ячменный.

Братчина — братство, товарищество из церковных прихожан.

«Сынь платим» — взнос, долю, пай.

«Зашел с носка» — спереди.

Тако — если.

«А буде же я вас побью» — а если же я вас побью.

«Руки свои подписали» — поставили свои подписи, собственноручно расписались.

Девоника-чернавоника — служанка для черной работы.

Волх-река — Волхов.

«Не подай нас у дела у ратного» — не выдай нас во время битвы.

Пилигримце — пилигрим, странник по «святим местам».

Глумидрь — молодецкое, дурень; насмешливо: умник-разумник.

Опречь — кроме, за исключением.

«А и во лбе глаз — уж веку нету» — давно уже нет.

Повенечное — сбор, налог с венчания.

Повилечное — налог с каждого вальва за стирку белья на плотах.

Полтеи — туши, разрубленные вдоль.

Записи заручные — скрепление подписью.

«Со того уразу молодецкого» — то есть после полученных побоев, ран.

«А увече на век за те оно» — приобретено, получено.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ МОЛІТЬСЯ ЕЗДИЛ

(Кирша Данилов, № 19)

Тычки — багры, шесты.

Сходки — мостки с судна на берег.

Ерусалим — Иерусалим, город в Палестине.
Ердань — Иордань, река в Палестине.
«А мое-то ведь гулянье не охотное» — не по своей воле, не по своему желанию.
Бусы — выдолбленные из целого дерева лодки.
Галеры — большие многовесельные суда.
Чох — чиханье.
Червленый вяз — дубинка из вяза.
На самой сонке — на самой вершине горы.
Не дивуются — не надивуются.
Не баит — не разговаривает.
Споряду — подряд.
Сажени печатные — проверенные, с государственной печатью, клеймом.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

1. Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М., 1938.
2. Рыбников П. Н. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, 3 тома. М., 1909—1910.
3. Гильфердинг А. Ф. — Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 2-е, 3 тома. СПб., 1894—1900.

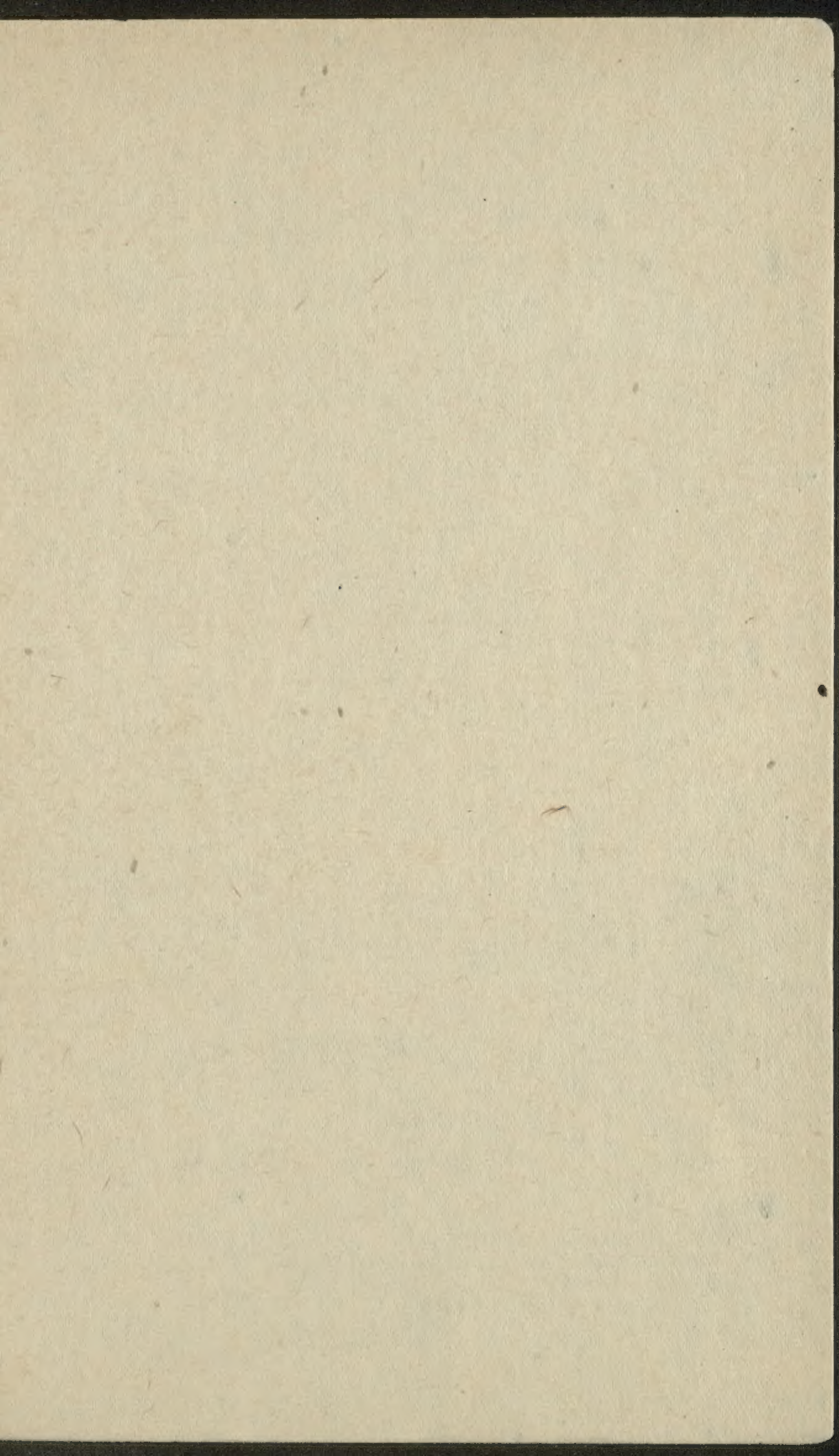
СОДЕРЖАНИЕ

М. Булатов — Былины	3
Илья Муромец и Соловей-разбойник	13
Илья Муромец и Идолище	20
Илья Муромец и Калин-царь	22
Илья в ссоре с князем Владимиром	28
Добрыня и змей	31
Алёша Попович и Тугарин	40
Сухман	48
Святогор и тяги земные	53
Вольга	54
Вольга и Микула	60
Садко	64
Василь Буслаев	74
Василий Буслаев молиться ездил	81
Примечания	89
Указатель источников	94

ДЛЯ НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ И
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ответств. редактор *Н. Воробьева*.
Подписано к печати 13/X 1942 г.
6 печ. л. (3,8 уч.-изд. л.). 36 000 зн.
в печ. л. Тираж 50 000 экз. Л10С691.
Заказ № 2313.
Цена 1 р. 45 к.

Фабрика детской книги Детгиз
Наркомпроса РСФСР, Москва,
Сушевский вал, 49.

Цена 1 р. 45 к.